

История тал. литературы первой половины XIX ст.

1813 года прозвита Фрэнцизи. Въ октябрѣ 1812 г., на 32 году отъ роду, онъ записался студентомъ медицины въ Берлинскій университетъ и началъ усердно работать (съ 1812 по 1815), занимаясь особенно изученіемъ естественныхъ наукъ. Въ 1813 г., когда двѣ націи, къ которымъ принадлежалъ онъ въ отчужденной землѣ, вступили въ сверхоуспѣшную борьбу, онъ сильно страдалъ душевно; несколько разъ годовъ былъ вступилъ въ ряды нѣмецкаго ополченія, но потомъ воеклизалъ въ отчаяніи: „чтого для меня мѣла у нашего времени.“ Это уговорили ухажать въ деревню, чтобы быть дальше отъ печальныхъ для него соборій. Мракъ, онъ удалился въ совершенное уединеніе, чтобы предасться исключительно наукамъ и литературе. Въ 1815 г. онъ получилъ предложеніе отправиться въ качествѣ натуралиста кругомъ свѣта въ ученомъ экспедиціи Романцова на русскомъ кораблѣ „Воронъ“ подъ командою Фролова Козцебу, отъ сего радостно принялъ его и былъ въ отъезда 3 года (1818). ^{Въ отъездъ съ Крузенштерномъ} ~~Кажетъ разъ на русскій слуги въ Россіи~~ (Шамиссо со-вершилъ это путешествіе, предпринимаемое для отъ-крытія, ~~всего съ Крузенштерномъ~~ и по возвращеніи въ Берлинъ, посвятилъ отдаленную жизнь покою. Въ 1819 г. Берлинскій университетъ далъ ему степень доктора, и онъ получилъ место хранителя ботаническаго сада въ Берлинѣ; въ томъ же году онъ женился на очень милой дѣвушкѣ, которую зналъ еще съ дѣтства, были счастливы и весьма счастливы отцомъ семейства и спокойны, но прошли отдаленную жизнь среди ученыхъ трудовъ и литературныхъ занятій. Въ 1825 г. Шамиссо былъ въ резервнѣ разъ во Фран-ціи, (въ первый разъ онъ отправился туда въ 1802 г.,

во второй раз — во 1806 г., во третий раз — во 1810 г.
и последний раз — какъ уже сказано — во 1825 г. ^{Въ}
1835 г. она была избрана за его труды членомъ акаде-
мии наукъ. Она не переставала писать глубокий и
дарясь къ своей родинѣ, и извѣстие о революціи 1830 г.
подтолкнувало на него чрезвычайнo сильно. Упорными
трудоу она какъ расширила узкія рамки своего об-
разованія, что не только знала по-английски, по-
итальянски, по-испански, но и переводила съ ново-
гренскаго и старо-испанскаго. Въ соціальномъ здо-
ровье его стало заочно разрушаться¹⁾ и она умерла
въ Берлинѣ въ 1838 г. посылъ продолжительной бо-
лезни. Смерть его искренно оплакивали лучшие
представители немецкой поэзіи.

Сынъ Шамиссо началъ писать очень рано, сперва
по-французски, а потомъ и по-немецки, раньше, нежели
она овладѣла немецкимъ языкомъ (впрочемъ она
всего шире и говорила и писала на немъ съ ошибками).
Уже въ 1804 г. она вместе съ ^{Фрэнклингомъ} Франклингомъ издавала
Алманахъ Луны и съ тѣхъ поръ привыкъ излагать
свои мысли и чувства въ стихахъ. Московско время
она вели скучающею образомъ, госудина между про-
жить въ Конне у М-те Сзалъ и тамъ занимался
богословскою.

Какъ уже знаемъ, Шамиссо былъ французскій дворя-
нинъ, но поселился въ Берлинѣ вѣрнo родному; она
съ немецкимъ благоуміемъ изобразила немецкую
жизнь и любовь, домашнее счастье и горе; парадная
песня, сага и сказка, но также и великія двисетія
этого времени находили откликъ въ его стихотвореніяхъ.

¹⁾ Она страдала грудью. Его жена тоже хворала, и когда
она умерла въ 1837 г., то она вскоре отдалась за ней

картина народной жизни, как "Сараф прака" ("Die alte Waschfrau"), вероятно создана по образцу его земляка Беранье. Лирическая поэзия Шамиссо охватывает благо, раздельные мысли и своеобразно форма. Они чрезвычайно объективны в своих темах и молодых писательских группах, даже что содержание одной было про- допущено другой и заимствовано образом темы его со- ставляли переносом взгляда вправо, почти до конца, свое начало. В заимствованных принадлежностях "Вальсе" и, в особенности, "Frauen-Liebe und Leben" ("Любовь и Жизнь" женщины), где они изображают всю сущность любви женщины, начиная с привады, позы давки и кончая любовью бабушки к своим внукам. В другом ряде творения Шамиссо с не- меньшим искусством изображают различные сущности любви давки и мальчика, извлеченные с по второму году, как они входят в год. Поема, доверительное счастье женщины и невесты, молодой ее, прыжки и счастливый рождение создавая содержание этого произведения, оканчиваясь печальной картиной героической смерти на полях битвы отца семьи, призванного к защите отечества. Шамиссо была всегда горячим сторонником либеральных принципов революции. Эти чувства особенно хорошо выражены в его стихотворении: "Das Schloss Ronseaux" ("Замок Ронсеау"). Оно гласит:

Снова вижу себя в ребенком
И какою стадою голою...

То, что мне позабылось казалось,
Появляется вновь предо мной.

Меня деревьями высидея заповей
 Въ леснхъ рокоши и красоуи;
 Я узналъ зти бапти, ворота,
 И зудицы, и валы, и мезуи.

Ма мена лавы герба родового
 Обращаючь привагливый взоръ,
 Я киваю старинныиъ знаковиныиъ
 И бѣлаго на заиковой дворъ.

Возъ два ерника лезауъ у колодца,
 Вотъ роскошная адлонъ модъ,
 Возъ окно, за козорыиъ впервые
 Началъ грезить и чубежовавъ я.

И вхоуиу я въ золотую церковь,
 И смозрѣю на уроднищи оуцова;
 Возъ оупъ, средъ старинныиъ уроревъ,
 У подножя высокииъ сголдова.

Только надписи древнид езерлисъ;
 Я стараюс прочесть — мудроно,
 Хотъ сидѣс полднѣвнаго солнца
 Продиваеуея ярко въ окно.

Такъ въ души у мена сохранилсѣ
 Навсѣгда зти, мой замокъ родной, —
 Но ислезъ зти — и накаръ проходивъ
 По владѣиыиъ звонивъ съ бороной.

Будъ мудра, о земля дорогая!

Призываю въ сердечной полюбвѣ
 Благодауъ на зедъ и на руки,
 Проводящя плуъ по зедъ.

Я сме, еи додрого арокой мосо,
 По широкому ствѣзу поиду,
 Вдохновенныиъ птени слагадъ
 Додрозы, и уну, и туду! (П. Вейсберъ).

— Какъ видно, въ зрѣннѣ сценозвора ^{Безъ рокожа} Шамиссо, ^{узо,} бразнаеу сройкаго и звердаго характеромъ земледѣльцѣ, ^{за,} ^{Безъ рокожа} вздымагоеу за плугъ и намуцаго землю на зѣмь вросеть, гдѣ сродилъ замочкы его оуца. Глобескуо революцію привауеузовалъ Шамиссо еи восзоргоуеу и многія изъ его лучшимау произвѣденій двимау оузвучеуеу зроу содѣзій. Въ 1831 г. Шамиссо издау свѣи Гедіекі (Romanzen u. Lieder) — сценозворенія, ^{одна шробская дѣтня} романсы и поесни, между козорьки нахадичеу и его озмѣнныи поэтическій разсказа Salaz Gomez. Здѣсь на зрѣеу аспидеуеу дѣскау написана исторія жизни одного несчаеунаго, козорый какъ юнома по, ^{уединенной} малъ на голкѣй ^{узеу} южнанаго ворд, просимъ хамъ болъе боуи мау въ уединеніи на скалѣ, пугаеу дѣцалки пугеу, и укеръ, не дошадившій спасуцаго кородѣу.

Эпическій произвѣденіе Шамиссо пропикнузу заточаеуеу образоеуеу и силоу, но въ оуиъ видно издмѣнеуеу змеланіе козорькѣ воображеніе кизаеуа, не сродько въузрѣеннмау содерснаниемау, сколько въ, чурноеуеу образѣу, въ созданіи козорькѣ оуи неурѣдко перелѣдичеу граничу издичнаго. Такъ, въ недовѣеуи поэма Das Sinsifid (Растидзіе) оуи предезавидеуеу художника, козорый, зомѣеу змеланіемау ворно цо, бразуръ сраданид Исуса Христа на кресѣ, рѣшилсѣ привоздичеу къ кресѣу живого челоука и написана оу него свѣи карцину. Тасѣо възраеуаеу у Шамиссо склонноеу къ унаеуеуеу, сураниеуеу сѣзметамъ, къ разбѣиуеуеу сценамъ, къ доуходѣеуеу и з.п., на что указываеуеу его Die Lowenbraut (Неуеуаеуа мѣва),

2014

„Der Geist der Mutter“ (eine Guarani-Indianerin, индианка Гуараби, озвученная охр своимъ друзей, показывающая, какъ поигла мадерунская любовь), „Matteo Falcone“ (озвуча судитъ безжалостно сына, осканившаго черезъ дома), „Die Giftmischerin“ (Озравившица), „Die Gerichtslog auf Huachucme“ (Судебный день на Гуакуме), „Das Nordthal“ (Долина удивлява), „Don Juanito“ и др. Статьи не менее много исхитно разгисекить черезъ разсказано въ судохворенити Шамиссо, гдѣ она описываетъ борьу и права духить парадовъ. Изобразенитя картинна природы въ зрѣть послѣднитя произведенитя ообщенно хороши. Въ общетии съ природой она находила свое чрезвычайное счастье, енту было хорошо между души. Ни парадомъ, съ которыми она возвращался въ кругъ евозномъ нудемсезвѣи, и нѣтъ поэзия манила его къ подражанитю.

Несмотря на свою популярное свонитя мирисекить судохворенитя, Шамиссо по свайебу залатова скорое змикъ: какъ змибо и малѣдно рисечетъ она положенитя и какъ искусно уловитъ въ нѣсколькихъ мотехъ, какъ передаетъ цѣлую змизв человѣческую, свои мисри, кескѣ всея она модила содинитъ въ циклы, ре, реза гито превращала нѣтъ въ поэма. Это передатка „Бродного Тенриха“ („Der alte Heinrich“, посвященна брату дѣлѣ Триппманъ) ере одно изъ лучшихъ поновле, нитя старомодежкитя евозновѣи. Шамиссо — маезеръ изобразенитя и въ болыио веселити или пренитиуисезвѣи. Но юкорисезвѣсекитя разсказатъ, какъ-то: „Abdallah“ (въ судохавѣ Нидальговѣ) и „Vater Anselmo“ (Воиород. нитя братъ Ансельмо). Но безупрѣкити судоснесезвѣити

произведенийъ съ глубокимъ содержаниемъ является повесть „Peter Schlemihls wundersame Geschichte“ („Иудейская история Тезра Шлеммля“, 18142.) Эта повесть, написанная прозою и доведенная поэзою болыною изобразительно, весьма замечательна. Французский элементъ отъходитъ въ ней на задній планъ. Является не цыганство, а средиземное. Въ повести выведено коллоидъ челонокъ, продавший двѣдвоу за деньги своего рта и зарылъ нечаянно нидто покая, владѣвие зого, что вѣтъ преемдуюго его взрыдами и настынками за его сфранкий недоезачокъ. Измученному коллоидному челонокъ двѣдвоу предлагаю возвразю зого образно, въ обиды за его думу, но Шлеммль не соглашается и находитъ возмозимою утѣшиться въ своей позерѣ, отправля^{ет}я въ путешествие кругомъ свога въ семимилонты сапогахъ. Главныма поэзюма было здѣсь народное суетворіе, а именно, мнганіе, что можно позерять своего рта и что се берега себя герго, когда у него нгоу смлы надъ сапныма челонокомъ. В. Шереръ говоритъ: „Разскаго заелудиваюго своей всемчрой славы. Поэзо отдала герод символическима порзрезомъ самого себя: Шлеммль — неудачникъ, и зого неудачникъ Шлеммсо надталма своей садезвенной малой способно, срю змгъ въ свога, котора влекла его къ удивенно, къ обиденно съ природой и просвѣтлн ередзвеннонм модблн. Но зого совстыма не нужно знатъ, тобы смъ, дуръ съ интересомъ за яемныма и младныма, проевыма и видиво безъ искусственности, повсюду гмго Этнм, скныма разскагома, и подозреваго въ немъ что-нибудь символическое, кога бы въ напыманіи зого факта,

как часто богачества приобразуются немощными русскими, как легко держатся при зломъ „ничтожество геси и челоуковъ выдалкивается изъ обидества“.

Замысловатый Штисский замыселъ продвинулся въ зломъ небольшомъ повѣсти, которой Шамиссо обязанъ своей реалирною цѣлостностью. Эта повѣсть переведена на весь языкъ Европы и переиздана безконечное число разъ. Эта французская повѣсть о челоуковъ, продаваемыхъ своего зломъ за немощными кошелекъ, возникла, какъ рассказывають, изъ такого обиденнаго случая: Шамиссо, въ молодости очень разсвѣтливый челоуковъ, однимъ разъ во время путешествія поглядѣлъ шлангу, плахоту, пергау, ки и пр.; увидѣлъ, какъ оны разсказали объ зломъ, спросилъ его: не поглядѣлъ ли оны законъ и своей законъ? Тогда поразила мысль о зломъ, какія послѣдствія могла бы имѣть поглядѣ зломъ никакой немощной вещи? оны обрадованы се во зломъ, когда оны оказали зломъ участвія въ войнѣ 1813 года противъ Францїи и удалены въ совершенное уединеніе, тамъ предаваясь исключительно наукамъ и литературѣ. Оны написали своего знамени, зало „Шлеминдъ“ во время небольшого деревенскаго досуга въ 1812. для забавы друзей одного изъ своихъ друзей и издалъ въ 1814 г., вовсе не осмывая, что эта повѣсть послужитъ базисомъ его литературной славы.

Молодой Шамиссо, когда оны писалъ эту сказку, ссѣдѣла въ зломъ, чтобъ показать, какое ничтожное общество, ссѣдѣла, или какой маловажный недосадовъ, существующій въ челоуковъ, способный подчасъ совершенно испорчить его положеніе въ обидествѣ и етълаибъ

Шлеминдъ поеврейски значить несогласный, шалкій (Горьке).

безвинно несчастными на все низше. Повесть такъ за,
 мыслюваго придумана и разсказана такъ коротко, что,
 кромя (внѣприведенной) легенды, около нея слюши,
 коеб несколько друишь, и прижики стали труднѣе
 надъ вопросамъ: какад мѣсть лежишь въ основѣ эрой
 аллегорий? Напрасно утвердилъ поэтъ, что подъ тѣмъ
 оны разумалъ Золото кромя; многие до сѣихъ поръ доказы,
 вѣдуть, что Пётръ Шлемиль самъ авторъ, а похитанная
 кромя его — оземсество, Козь Шамиссо никогда не продавалъ
 своей родины и никогда не счидалъ оземсества кромя
 маловажными, не нужными для человека аксеца.
 кромя, какъ кромя. X

Фрукъ

Въ прозвонномъ оземсествѣ Чидитъ (и многихъ по,
 воездѣмъ Тюрмама, сцены «Медоринъ Пётра Шлемиль»
 оземъ легко поддаюся воспроизведенно посредственно
 живониси. — Вѣдася съ Т. Швабана Шамиссо издавъ
 съ 1832—1837 гг. нѣмецкѣмъ Альманакъ муръ, а вѣдася
 съ Французъ фронъ Тодн издавъ переводъ нѣсена Керан.
 шие. Адамъберъ фронъ Шамиссо описалъ свое круговозное
 нѣтесество какъ ученый и поэтъ: Reisekinder
 и Ansichten auf einer Entdeckungsreise (Замечаній и
 взгляды — виды на нуремсество, предпринимавшое для
 оземскій, 1815—1818, Веймаръ 1821 г.); Westliche Briefe,
aus nord. edener Welttheilern geschrieben (Западныя письма,
 писанныя — посланныя изъ различныхъ частей свѣда,
 въ оземсествомъ муръ Козебу, съ 1816—1818 гг.);
 наконецъ ело Reisebeschreibungen (Описание нуремсествъ,
 2 тома, 1838 г.).

Адамъберъ фронъ Шамиссо — ученый романтиковъ,
 оръ нѣтъ устоить оны безусловную свободу франзази

1) Франъ Гайду род. въ 1800 г., ум. въ 1845 г., оны извѣстенъ
 какъ историческѣмъ писателю.

2018

и любовь къ формамъ средневековой романской поэзии, между прочимъ къ германамъ. Но романтики не поработили его угрозидений, и онъ всего шире быль свободомыслящимъ человекомъ; его горнее увлече-
нiе правдой, наклономъ къ грозной и горской саурь, озвращение оръ славабоеди, козоратъ какъ гасо порзую итальецкую поэзию — герри советомъ не роман-
тически. Въ итальецкую форму Шамиссо внесъ фран-
цузскую аснось и стилось ума и зредвой понизи,
тескiй стилось; разрушившая благоосеодниъ его стило
революция тисколько не осладила въ чель согув,
субид къ свободотъ и шелатид слазия моддиль; срило,
зворение къ радному замку Бонкуръ поэть закам,
чивеель, какъ мы уже слышали, закиши прочувство-
ванности и благородности словами:

Будь щедра, о земля дорогая!

Призывало въ сердечной похвотъ

Благодаръ на зедъ и на руки,

Проводанция илгуъ то зедъ!

А ше съ доброго арфкой моего,

По широкому ствоту поиду,

Вдодновенной посьи слагод

Доброотъ, и чму, и зреду!

Такими образомъ, наднимаясь относительно формы романтики, относительно содержания формы Шамиссо, со сродилъ блисье къ своимъ соотечественникамъ Беранже и Барбье, изъ козориль первого онъ съ дотъ, тилье увлечениемъ перекладывалъ въ итальецкiе стило вилтсета съ своимъ другомъ Тоди¹⁾. Шамиссо срам сгузатъ крупности поэтики Гюльско съ 1829 г., когда

¹⁾ Въ изображении Шамиссо многое з надразмаетъ своимъ соотечественникамъ Беранже (1780-1857) и Делавинь (Delavigne, 1793-1843 гг.). (Велангер)

въ Альманахѣ Музы Вендта (Weidt) появилась его ода, саземная, нами уже упомянутая, подма Salaz у Gouez, написанная германскимъ. Мамиссо — изумительн и ис-
 крениій поэтъ; онъ пишетъ го, что думаетъ и вывѣщаетъ,
 и какъ, какъ думаетъ и вывѣщаетъ, и итальянская пудлика,
 хоть и поздно, но оцѣнила его по заслугамъ; Дингель,
 шведъ говоритъ о немъ:

Ein Freundling warst du unserm deutschen Norden,
 In Sitt' und Sprache anderer Stämme Sohn;
 Und wer ist keimischer, als du, ihm worden?

(Грудой на нашемъ немецкомъ отечествѣ, ты была сыномъ
 другого племени по языку и по нравамъ; а кто сдѣлалъ
 чуждымъ роднымъ для Германіи?)

Собраніе стихотвореній Агальберга фрон. Мамиссо
 вышло въ первый разъ въ 1821 г.; при жизни его оно
 выдержало 4 изданія, а въ 1861 г. было переиздано въ
 12-мъ разѣ. Объ Агальберга ф. Мамиссо см. Farchi: Adal-
 bert de Chamisso, sa vie, ses oeuvres, ses amis et la poesie
 allemande de 1800-1878. Paris 1877. Максимъ Чаборы Ф.
 Ueber das Jugendleben Adelberts v. Chamisso, zur Benennung
 seines Dichtung: Peter Schlenker. Muenchen 1879. Кнуръ
 Fulda: Chamisso und seine Zeit. mit dem Porträt. Jpr. 1881
 составлена спискомъ изданий. Мандольне распростран-
 ное изданіе его произведеній (Chamisso's Werke, 4 Bd.
 Berl. Gustav Hempel) имѣетъ при себѣ короткую его
 биографію, написанную С. Хезекіель'омъ. См. главный
 русскій выборъ стихотвореній Мамиссо въ сборникѣ
 Герделя; также Драго 1870 г. „Гудесная негоря Щара
 Млентиндъ“ на русскій языкъ, переведена Львомъ Сахой,
 Ловинъ въ 1842 г., новымъ переводомъ см. Канжонъ литературы за 1889 г.

Karl Benedict

1788-1857. Госидръ Фронтъ-Финкендорфъ (Joseph Freiherr v. Eichenlaub) родился въ 1788 г. въ родовомъ - наследственномъ своемъ замкѣ Любовинъ близъ Раубора, въ Силези, и бѣлъ крещенъ по католическому обряду. Сво воспитаніе началъ въ католической гимназіи въ Бреславлѣ, а въ 1805 г. поступилъ на юридическій факультетъ въ Талле, откуда перешелъ въ Тейденбергъ, гдѣ сошелся съ Крими, Кохъ и Бренцано.¹⁾ Пожелавъ она поступить на службу въ Вѣннѣ, гдѣ познакомился съ Фрэдри, хотъ Шлегелемъ, но 1813 годѣ захватилъ его вѣннѣ въ прусскую армию родовою. Получивъ офицерскій чинъ, Финкендорфъ окончилъ военное поприще кономъ Вагериоо. Именно въ 1816 г. она перешелъ въ гражданскую службу,²⁾ бѣлъ въ 1821 г. правительственнаго совѣтника въ Данцигѣ, съ 1824 г. - въ Кенигсбергѣ, съ 1841 г. - тайнаго правительственнаго совѣтника въ Берлинѣ (въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ, въ отдѣленіи католической церкви). Краемъ, она занималъ довольно важныя должности до 1842 г.; тогда она вышелъ въ отставку и остальныя годы жизни провелъ въ семействѣ своей замужней дочери. Она умеръ въ Мейсѣ въ 1857 г.

Принадлежитъ Крими и Бренцано, съ котораки Финкендорфъ сошелся въ Тейденбергѣ, возбудилъ въ немъ литературныя стремленія; она началъ писать стихи и задумалъ романъ. Направилъ литературное поприще родовою желаніемъ суживореній, преимущественно касаясь, подъ псевдонимомъ Флоренсъ, Финкендорфъ суживореній всесра романтическій элементъ въ новое направление немецкой литературы. Имя Финкендорфа,

1) Въ 1808 г. отправилъ въ Парижъ.

2) какъ референдарій въ Бреславлѣ

дворца принадлежать къ самымъ задумчивымъ. Мирно,
скія пьеса Эйхендорфа¹⁾ предзавидно однихъ изъ лучшихъ
продуктовъ романуизма: прозою завьела, искренносу
губеба, горькая любовь къ природѣ, музыкальностъ
суха — выдающийся доэромъ знаменитой тѣхъ гасри.
Приведу некоторыя ея стихозверенія:

1. Тоска по родинѣ.

На нашихъ дубахъ и березахъ
Сгарившій паркъ лешаго,
И касю въ полночныхъ зрѣзавъ,
Взручь тогда начинаеть весь садъ.

Порогъ родное ужъ тогда
Я слышу весь ночь до узра —
И сердце въ тоскѣ и томлеть
Зоветь зедъ, другъ и сестра!
Другіе мнѣ гуды душою —
И страшно мнѣ въ гудодѣ краю.
Мгди бы навъ влеть въ зобого:
Дай вѣрнору руку свою!

Мгди-и не вьдуть разлуки,
И влеть, окончивши путь,
Подъ эти волнѣбные звуки
На отней могилѣ заснуть! (М. Милѣиловъ).

II.

Ахъ, не за чьѣмъ эта липа,
На козорую когда-то
Я влеть, тогда илюбавься
Яркиль заревоиль закахъ!
И не згой роцей земельной
И, подъ шумъ вьзвѣй сосновиль,

1) Первое изданіе ея. Гедіельва 1837г.

От подруги возвращался,
 В сердце мое, полных нисеи новыиъ.
 Знаю, не та у нас и долина,
 Тут — порой любви счастливой —
 Выходили на свиданье
 Мы с тобою доброй.

Моя: долина, роса, луна
 Ты мне все, что для бывше —
 Ты не роза: озяло сердце,
 Да и волосы седые. (А. Плещеев).

Наконецъ „Das zerbrochene Ringlein“: „In einem kühlen
 Grunde — da geht ein Mühlentad“.

III. Сломанное колесо:

По полю деревенскъ сосенъ,
 Развѣсившись березъ
 Развѣсившись далеко
 Шумъ мельничныхъ колѣсъ.

Тамъ мельница у рѣчки,
 Тутъ мелька змѣла;
 Она плясаетъ бѣзъ вѣтрѣ,
 Кидается, — но солгала.

И конь ея со мною,
 И я съ узи хожала;
 А въ срамъ зовала по свѣту,
 Свои бы конемъ коня.

Помчался бы я въ дѣву,
 Ударивъ на вратѣ,
 Съ зоваричами пошло
 Летала бы у коневъ.

Когда же начинали
 Шумѣть вновь колесо,

Мелано долько енерзи;

Тогда уми сунтмеу все.

Мелкозорья из сунтозворений Дилендорфа, напр., «Сло,
малкое колечко», сжали народными тоскядими. Позже
Дилендорфа производилъ свѣдѣние впечатлѣнїе; въ ней
нашъ ничего поддольнаго, логичнаго. Микроэкономическїя
его чужебна и мысли вполне охриветны и никогда не
лучше: въ свѣдѣніи сочиненїяхъ отъ все нарушил. Мы,
когда его не принадлежимъ къ числу богато-одаренныхъ,
возвратилъ весьма чужды; жаль не только отъ суровыхъ
узнать поэму, и все, что отъ знаешь, выработалось и со,
зрѣло въ его голову.

Кромѣ романа, Сунтозворений^{Романова} Дилендорфа издали
еще множество повестей и драмъ. Въ самомъ началѣ
своей литературной дѣятельности отъ задумалъ романъ:
«Авнинг иид Фегенварт» (Предубежденіе и доисследованїе
или: «Мечты и доисследованїе», напечат. 1815 г. Нитвинг),
герой котораго — крайній идеалистъ, напрасно посягающій,
съ припадкомъ свои идеала къ жизни. Хорошъ зрѣдъ оура,
такоже безобразное настроенїе вретитъ передъ войной
за освобожденїе: герой, арисдорражъ въ духѣ Армина,
который участвовалъ въ зирольскимъ бунтамъ, уходилъ
въ монастырь, а его сурій дучъ эмигрируетъ въ Аме-
рику. Зѣнет Дилендорфъ позволилъ себѣ съ сѣмъ новымъ
подразнѣнїемъ, Вильгельму Мейснеру дать картину своего
времени. Микола, Вильгельма Мейснера Тѣре представляла
какъ разѣ житическую картину знажнаго одиссея и
ставила новый идеалъ настоящаго арисдорража. Дилен-
дорфъ приликаждъ къ этой миколѣ. Мысль проведенна
хорошо, но характеры блѣдны, и авзоръ слишкомъ много

1) Мѣста микола читалася въ Скаррота во Франциѣ въ XVII ст.

разусидаетъ за дѣйствительности лица.

Эйхендорфъ написалъ рядъ повестей, изъ которыхъ наибольшимъ извѣстностью пользуется разсказъ: „Aus dem Leben eines Taugenichts“ (Изъ жизни одного таланда, 1824г.), одно изъ самыхъ удивраромантическихъ произведеній. Герой его — мальчикъ по глупокому ублаженію, котораго раздѣлать, очевидно, и сама авторъ: онъ не хочетъ работать, не хочетъ думать объ устройствѣ своей карьеры, потому что хочетъ быть счастливымъ. Отецъ за него не выгоняетъ, съ его изъ дому; онъ беззаботно укладываетъ бродитъ по свѣту, захвативши свою сумку. Во время своихъ странствованій онъ выдѣлываетъ въ графиню; но и любовь не можетъ заставить его задуматься и задумливо относиться къ своему будущему. Когда онъ получаетъ письмо — разумеется, датоее ему полную возможность написать: иначе онъ не придетъ къ его — съ добрыми и огоро. Дома, онъ выдѣлываетъ изъ огорода картофель и все полезныя растенія и все его засаживаетъ цвѣтами, изъ которыхъ составляетъ букеты для своей возлюбленной. После многихъ приключеній, судьба забрасываетъ героя въ Италию, классическую страну любви и пасивнаго наслажденія красою; оттуда онъ снова возвращается въ отечество и въ конце концовъ вытиснетъ на своей возлюбленной, которая, къ счастью для него, оказывая не графиней, а племянницей швейцаря, но съ богатствами приданыхъ; теперь, стало быть, онъ имеетъ полную возможность написать всю остальную жизнь.

(Здѣсь) Эйхендорфъ продолжаетъ повеллестическую войну противъ Фришкерова; но крайней мѣрѣ возмъ германъ („Taugenichts“), невароватна и скорѣе, полная

недоразумений, стилистиче мило и удивительности естественны, где все происходит естественно и, однако, странно, какъ въ сказкѣ, сопровождаемая отличными пейзажами, фактъ что чудачество почти передается логическое сердце героя, который преодолеваетъ весь предрассудки, поэта прекраснейшимъ поэтом и иногда не знаетъ, что происходитъ вокругъ него, всегда мечтаетъ, любить и величия. Мелод доказатель своего творчества, что герой въ мирѣ подобнаго счастья, какъ райское положение звалики, Дилендорфа располагаетъ издателя къ своему герою и заставляетъ сморзнуть на его образъ жизни снисходительности. Вроде небольшой романъ есть почти среднее между подражательности и вымышленной пародией на Вильгельма Мейстера Тера; за-ею основная мысль, что естество соединяетъ не въ удачномъ устройстве своихъ нравственныхъ дѣлъ, а въ удачномъ наслаждении жизнью, здесь проведена въ болѣе возвышенной, оптимистической, но за то болѣе реальной формы; стремление къ само-совершенствованию замкнута въ безразличности; оубраженіе, не оръ борьбы и труда возведено въ принципъ.

Кромѣ двухъ уже упомянутыхъ романовъ, изданными Дилендорфомъ въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, онъ написалъ еще слѣдующія повести: „Das Kartorbild“ (Историческая сценка, 1818г.), „Die Dichter und ihre Gesellen“ (Поэты и ихъ подмастерья, 1834г.), „Zainken Drononde“, „Ranzart-erachtliche“ и „Der Graf Lucanor“ (Графъ Луканоръ) — съ испанскаго обработанная оптимистическая народная книга (Вольфенбу, второе издание 1843г.).

Драмы Дилендорфа: tragödien: „Meister's Glück und Ende“ (Мейстера счастье конецъ, Берлинъ, 1828г.), „Berkelin

1, „Krieg den Philistern, dram. Märchen. Berl. 1824.

von Romano" (Духерманъ Романекъ, Киннеберъ, 1822.) и
 "Der Letzte Held von Marienburg" (Последній герой Мари-
 енбурга, Гамбургъ 1830 г.), также какъ и его Комедии;
 "Die Freier" (Менюхи - Свадьба, Штутгартъ, 1832.) и "Viel
 Lärm um Nichts" (Много шума изъ ничего, Берлинъ,
 1832.) знаменитыю славою его новелл и лирическихъ
 поэмъ. König der Philister, dramatisches Märchen (Война
 противъ филистеровъ, драматическая сказка, Берлинъ,
 1824 г.) написана въ родѣ сатирическихъ драмъ Шка.
 Вера Фриды Духендорфа, въ драматической или новеллѣ,
 баронской фрейлей, выразилась одну и ту же мысль,
 о царевнѣ одиночествѣ и Гамбургъ идеаловъ, олимпическаго
 зодъ снѣ субъективнаго, Гамбургъ снѣ лиричнское, ка-
 томизированное и отраженъ зодъ снѣ субъективно Губеръ,
 какъ его "Сказки" (Fabeln) и "Записки шалопая"
 (Aus dem Leben eines Taugenichts). Последняя новелла Д.
 Александрова: "Вилана" (родъ романса, 1852.), "Родство
 и Транскарда" (1855), и "Могилы" (1857), ко вреду своему,
 сильно противостоятъ католической тенденциѣ, которая
 также вредитъ научной объективности его историко-
 литературности работъ; родъ послѣднихъ начинается
 книгой: "Über die religiöse und ethische Bedeutung der neuen
 romantischen Poesie in Deutschland" (О религиозности и нрав-
 ственности знаменитыю новой романтической поэзии въ
 Германии, Лейпцигъ, 1847 г.). За него следовала ^{еще} болѣе
 тенденциозная монографія: "Der deutsche Roman des XVIII.
 Jahrh. in seinem Verhältnisse zum Christentum" (Нѣмецкiй
 романъ XVIII вѣка въ отношенiи къ Христіанству,
 Гамбургъ 1852.); поэтомъ: "Zur Geschichte des Dramas" (Къ
 исторiи драмы, Гамбургъ 1854 г.) и наконецъ "Geschichte

der poetischen Literatur Deutschlands (История поэтической литературы Германии, Падерборн, две части, 1857г.). Такими образом, последний немецкий романтический или прозаический, последний французский романтический воззры и проги всей действительности школы.

Какое уже первая повесть Диккенсера, «Метель и зимневысхождение», так и все его другие прозы ясно определяют образ мысли автора. Каролингское воззры, не на шире отражается как раз и в его произведениях. У кароликов не главная цель жизни — праздность, так как будничная работа не отрада, а бремя, только в безделье и лени высвободится. Вся поэзия Диккенсера отражает эту, где прекращаются земная, борьба, забота и труд. Они не прославляются смертью, а предпочитают ее идеальной вечной праздной жизни, необремененной никакими делами. Лучшее сочинение Диккенсера в прозе — его роман «Моя жизнь малюга» — доказывает это в особенности. Об этом поэты говорят прямо будучи еще в юности. По-русски о нем см. статьи др. Вандерга, Азевей 1858г. и московско его книга у Гербеля, стр. 422 и след.

Вильгельм Мюллер (Müller) родился в 1794г. в 1794—1827. Дессау в дворянской семье, учился с 1812г. в Берлине филологом, ^{через год (1813)} война за независимость увлекла его волонтером в прусскую армию. Он принимал участие в сражениях при Моцене, Бауцене и Кульме и окончил капитаном похода в Нидерланды. В 1814г., вернувшись из похода в Берлин, в университете, он стоял на передовой усердной работы, но потерял время и с одинаковой любовью занимался

1) Это — чудесная поэзия веселого Dolce far niente.

нашей и классической и старонемецкой поэзии.
 В 1817 г. онъ отправился въ Италию, ^{впервые в 1817 г.} въ 1819 г. онъ
 посетилъ старинныя училищныя древности Византии
 въ Дессаускомъ гимназико, а потомъ получилъ место
 Библиотекаря герцога; въ 1821 г. Моцлеръ вступилъ
 въ счастливый бракъ съ дочкою Бадера, но въ со-
 шаленности онъ умеръ уже въ 1827 г. отъ разрыва серд-
 ца. Это много обтщавший и рано умерший немец-
 ский поэтъ.

Вильг. Моцлеръ началъ писать уже рано, что на
 сороклетнемъ году уже писалъ наполовну къ печати
 цыганскія сказки-сказки, соединенныя съ леген-
 дами, поэмами и божественной драмой. 22 тома изъ роду онъ
 издалъ «Кресчаларико изъ Миннезангеровъ» (Вилмен.
 Lese aus den Minnesängern, 1816 г.) Это сочинение было
 плодомъ усидчиваго изученія старонемецкаго языка
 и литературы. По возвращеніи изъ Италии Моцлеръ
 изложилъ свои впечатленія въ прекрасномъ
 самой книгѣ: „Rom, Römer und Romanzen“ (Римъ,
 римляне и римлянки, два тома, 1820 г.) Это прекра-
 сное сочинение, эпоха походы походы въ Италию, по-
 здѣе до сего поръ заслуживающа уваженія въ
 Германіи. (Съ 1821 г.) съ года его вступленія въ бракъ,
 начинался его литературная изобретательность, какъ
 выходяща два его сборника: „Sieben und siebenzig Gedichte
aus den Pariseren eines reisenden Waldhornisten“ (Семь,
 десять семь сказки-сказки изъ бумажно-записки стран-
 ства вальдорна) и „Fröhenlieder“ (Песни
 Тревога, второй выпускъ 1822 г.); послѣдній сильно спо-
 содействовалъ развитію филологическаго въ Германіи.

Далее, Мюллера издавал ^{между прочим} „Lyrische Spaziergänge“ (Лири-
ческие прогулки или странствования, 1827г.), „Romanische
Vorschule“ и другие сочинения, „Badliozerische Erzählung XVII Bde.
ka“ (Самmlung der Dichter des 17. Jabrh., 1827г.) и умерла
вз горяче две году везданско оуб аневризма. Дубко его
субкозвореніи замоторако проере и мелодичеви, а
топомекад веселоеуб, гуманноеуб и фенлоза сердца ви,
далоцидед свайеуба иль содерсманид. Мюдове ко приро,
до и стоемеуб губеубе - оз.мощеубеубе герубе субкозво,
рениі Мюллера. Вуб, Весеннеуб и Пировеубе итсканубе
оуб рисеубе беселубе озорубе субубе, а вуб, Пвеснеубе
Трекоубе, субубеубе ко космополитубеубе. Вуб касидоубе
сборникубе судубеубеубе итсканубе субкозвореніи Рубе.
Мюллера возубеубеубе во мюубеубе, между прочимубе
ему принадлежубеубе изубеубеубе пубеубе: Tres facimur
Collegium, wir zwei etc. Дубе соубе, зубеубеубеубе мубе,
вубе и санскриптоубе, Мубе Мюллера издаубе его
субкозвореніи. Последнеубе издание еубе роскошнубеубе
иллюстрациубеубе вуб 1874г.

(Адубеубеубе оуб) Мубеубе, (Фосеубе оуб) Дубеубеубе и
(Вубеубеубе) Мюллера вубе зубе принадлежубеубе север,
ноубе Терманіи. Дубеубеубе бубеубе рубеубе мубе Силезіи,
Вубе. Мюллера мубе Дессаубе. Первубеубе мубе до 1757, вубе,
рубубе зубеубе до 1827 года. Оба еубеубеубе вубе вубеубе за
освободубеубеубе проубеубе Франціи. Оба еубеубеубе ко народ,
ноубе итсканубе. Оба оубеубе вубеубеубе субубеубе, такубе
убе субубеубе итсканубе мубе субубеубе вубеубе оубеубе
убе мубе ко крайнеубе мубеубе позубеубеубе. Оба мубеубе,
какубе зубе оубеубеубе зубеубе, Уландубе, Тебубе и дубеубе, еубе,
итсканубе пубеубе на мубеубеубе рубе и зубеубе образубеубе

Карл Леберехт Миллерман (Zimmernann) род. 1796-1840.
 с. в 1796 г. в Магдебурге; отец был советником прусского
 военного советника, горького поклонника Фридриха
 Великого; до 1813 г. отец учился в гимназии, потом
 поступил в университет в Галле, чтобы учиться
 правоведению. Когда великобурские войны прекратились
 лекции, 17-летний Миллерман пошел волонтером
 в солдаты, участвовал в Вагнеровской бурже, до-
 шел до Париза и был произведен в офицеры.
 По окончании войны отец немедленно вернулся
 в университет и сдал твердо занимаясь. В
 последний год его студенчества корпорация Штевония
 постановила подвергнуть позорному наказанию одного
 студента; Миллерман возмутился за несчастного зова-
 рича и обратился к университетскому сенату; когда
 сенат признал себя некомпетентным в этом
 деле, Миллерман поехал в Берлин и подал
 жалобу королю; таким образом отец дослужил своей
 цели, а чтобы оправдать себя в глазах публики,
 издал трактат касаясь которой спускала в то время уни-
 верситетской корпорации ту же ли не главную статью
 свободы, написавшая Брошюру, Letztes Wort über die
Streitigkeiten der Studierenden in Halle (Последнее слово
 о распри студентах в Галле. Лейпциг, 1817 г.)
 Эта брошюра удостоилась почетного соизволения
 на Варзбургском празднике. В том же году отец
 поступил на государственную службу и с 1823 года
 был аудитором в Мюнхере, где вступил в дру-
 жбу с энергичным врачом Адельфельдом (Adelfeld), по
 имени Мюллеров, которая побудила его к литературной

застыдливости. Въ 1827 г. она перешла въ Дюссельдорф,¹⁾ и графиня Амалия, уже разведшаяся съ мужем (но не соглашавшая выйти за Шинкманна), перешла туда за нимъ. Въ 1835 г. Шинкманнъ прошил службу и принялъ на себя заведование Дюссельдорфскимъ театромъ (1834—1838 гг.), желая здѣсь образовать сцену; ему удалось отчасти, что для этой цѣли, но оказался недосмотръ въ томъ, гдѣ, гдѣ разстроилось, и Шинкманнъ долженъ былъ вновь поступить въ службу. Шинкманнъ сосредоточилъ свою энергію на литературу. Въ 1837 г. она женился на очень образованной и милой дворянскѣ, вѣдущей того графиня Амалия покинула его; но уже въ 1840 году она неожиданно умерла отъ первой горькой.

Шинкманнъ оставилъ многоисленные комедии, трагедии и романы — эпохи. Свою литературную дѣятельность онъ началъ комедіями, какъ-то: „Auge des Liebe“ (Глазъ любви), „Die Prinzen von Syracus“ (Сицилійскіе принцы, 1821 г.), „Die Verkleidungen“ (Переводъ „Нитъ-маскированій“) и др. Въ его первыя драматическія произведения и „Petrarca“ (1822 г.) и „Cardenio und Celinde“ (1826 г.), далъ: „Das Thal von Ronceval“ („Ронсевальская долина“), гдѣ Роландъ выведенъ въ подлинномъ въ австрийскую принцессу; „Teufel und sein Hans“ и др. Позомъ Шинкманнъ перешелъ къ героическимъ трагедіямъ: „Tragedie in Tyrol“ (Трагедія въ Тироле), это драматическая поэма, которая по славу Вейне, вышла народомъ, какъ настоящая исторія великихъ событий; здѣсь изложена исторія

Убоинъ хана совѣтникомъ зельского едра.

2) 1828 г.

1) Жена Шинкманна вышла замужъ за итальянца Максиму XVII столѣтія, Андреа Трифиче.

Мэзориъ итм. Температури первой половины XIX века.

Андрея Тощера, но от Явлениями ангеловъ, пророге,
скими сповиданіями и ф. и.; „Кайзер Friedrich II. (Мин-
ператоръ Фридрихъ II, того же года) — трагедія“, въ 1832 г.
вышла трилогия „Алексіа“ (Алексея), ильтовая сюжета.
Зане мэзориго несчаднаго сына Петра Великаго; авторъ
хорошо понималъ драматическія конфликты между старои
и новой Русью, между цезаревичемъ царевичемъ и его
геніальностию оцего; первая часть „Война“ (Die Vojnen) —
самое лучшее, что Миллерманъ во драматическомъ
написалъ; но въ 3-ей части („Евдокия“) не одоумлет
больша миссика и французскаго.

Въ зане же 1832 г. Миллерманъ издалъ свой гл.,
докончателенной мидь „Мерлинъ“ (Merlin, или Мухе),
родъ драматическаго эпоса, раздѣленнаго на сцены,
изъ козрой оной зане сдѣлазе посто въ родъ
Тюба Франца. Миллерманъ придерживался зане сца,
раго англійскаго глубокомысленнаго преданія. Песа
написалъ съ пролога въ аду, гдѣ рѣшаеца вопросъ
о подвигѣ на своахъ мерлина, козорій долженъ
родитца охъ сазана и гисой довы, тоби предсаваетъ
собою прозываетца. Спасуемо, и долженъ унасла,
дывает охъ своего оца знаніе и силу, а охъ махери
способнохъ вичуаеца вѣтви симпатіа. Вели вичуф,
решаеца борба, козрой необходимо должна воз,
миссуеца въ келье, окончуеца въ пользу злого начала,
поиднуеца вѣс муръ; если въ пользу добраго, поид,
нехъ самъ мерлинъ. Махореніе ада непонятно,
и сазана, воспользовавшис миссуою забвенія довы,
производитца на своахъ мерлина. Тольк болше расчеца
оно, зане болше склоняеца къ богу и добру; оно

У думи своимъ Фридриховъ Взорити Миллерманъ поелтадовалъ усиливше,
мидь вичуеца къ безсмертннн мэзори среднннхъ вѣковъ и епецнально иинтересе,
къ Тогенштауфенннхъ; зо-Мексннрвсконд Хроника съ занеками кантареки,
длин, своеобразнннхъ поэтическннхъ Языкннхъ и прекраснннхъ мурннхъ сюжета,
но вѣтъ цталскаго дмлетвннхъ.

собирается рыцарей Артура и бедолаха на завоевание
Траля; но ага вооружается втайне своими ковар.
словами: увлеченный чувственным любовью к Никки,
ага, Мерлин похищает рыцарей и скоро умирает
своими силами и мудростью; тогда-то к нему, безумному,
несчастному, великому покинутому и владыке сатаны
и предлагает возвратиться мудрого и всемогущего,
если он останется на стороне зла; но Мерлин устоял
и погиб за любовь к добру; за то и Траля осталась
незавоеванной.

Съ захватил же сильными подразделениями, Вильгельм,
му кейзеру; какое позволил себе Эйхендорф, через
четыре года после смерти Гёте Миллерманн похоро,
был в „Эпигонии“ дать картину своего времени.

Роман „Эпигонии“ (Die Epigonen, 18362) есть явное по-
драсание, как уже сказано, „Вильгельму Кейзеру“;
осложненное суждением указывает на различие двух
эпох и обрисовывает современную борьбу дворянства
съ буржуазией. Герой романа — Герман в конце
концов получает по наследству оху дяди фрадри.
канца земли, которая когда-то принадлежала
герцогской фамилии, и убитого брата фрадрики.
Эпигонии Кейзера здесь соотвечает фрадри,
который еще неопредetermined и французский его
его провозглашает. В „Эпигонии“ довольно удачно из-
образована борьба романтическая с новой школой; но
свободного и оригинального выражения своего галана
Миллерманн достиг только в „Мюнхгаузена“.

„Мюнхгаузен“ (4 тома, 1838—92.) — роман о походе
самого. Французские приключения. — Гарри Барон,

живущий в полуразвалившемся замке, Хогерс одарен
 своего полуполитическою дога за собственны помышлен,
 много деревенскаго уривидя Агудилд, производящаго
 свое происхождение отъ старуанскаго царя Агудилад.
 Въ замке притязаетъ впускъ извѣстнаго лунка Мюнк,
 глупца, рассказывающаго несбыточные вещи, составляющаго
 компанію для вытолкни спущеннаго воздуха, покуда
 нечезаетъ неизвѣстно куда. Импренція влѣбляется въ
 слугу его Бурдеррогелд, слуга его передоубивль прима,
 цемль, и пр. Въ этомъ сураничель романъ съ прѣвое,
 подной идиллическій эпизодъ, издававшійся вънекоторско
 разѣ оубольно, подъ названіемъ „Обергофер“, и заключаюа,
 щій въ себѣ мезорію млодвн швабскаго дворянина
 Освальда къ дочери Мюнкагузена Шизберга. „Мюнкагуз,
 зенов“ еерь довольно оуброуиное подражаніе Дюль-Киндху.
 Ламанкскому видядо соуброуеубвучерь баронъ Шамисъ-Ви,
 скелит, наивдѣсь фреодализма; Санго-Панекъ — его слуга
 Карль Бурдеррогелд. Въ романъ „Мюнкагузенов“ сажура
 на глупосери и сураничель современичель пошта ис,
 кусно переплетена съ деревенскимъ млодвнчель ро,
 панель, въ которель много землози и задумевчель.

Прозвѣ итвѣцкаго театра двадцать годовъ Пларенъ,
 о которель рѣчь будерь вносидеубвн, написали свои
 Аризофановскія комедии, напр.: „Romantischer Oedipus“,
 1829 г., прозвѣ тексѣировскель романовъ, особенно
 прозвѣ Шммермана, котораго отъ называють Ниттер,
 таит. Шммерманъ не оедался въ долгу, а оубвзиль;
 но его прозвѣ Пларена написанель въсвѣи силн,
 коель сурасель и поиль итвѣсель. Въ это же время
 Шммерманъ написали которесубвнчель эпическую поэму

„Tulifantchen“. Армишь какъ разъ возымивши счастье. Было писано припомнишь высокопарный зовъ испанскаго романа къ комическимъ предметамъ, а Уммерманъ посподобавъ за нимъ въ „Tulifantchen“. Изъ области эпоса слѣдующе еще укажемъ на эпическую поэму „Trichtan und Folsde“ (18412), полную богатой фразеи и блескъ, щиръ описаній и веселостей. Здѣсь Уммерманъ по, драматизъ Тозфриду Сзрабурекскому; но поэма не окончена.

Хотя Уммерманъ какъ еще мало зналъ сущь романа, какъ сущь драмы, то все-таки его произведенія, за исклю-ченіемъ лирическихъ, очень значительны въ отношеніи, ны. Какъ лирики Уммерманъ незначителенъ. На, конецъ его автобиографія „летопись“ (1840-43 III.) — богата наблюденіями и издержаніями сообщеніи, тми.

„Многочисленныя произведенія Уммермана рас-падается на двѣ группы по времени и по направленію. поэтическія его пьесы и повѣзки романовъ пред-сравляють крайнее чужаго романтизма по сущности къ оригинальности и произволу, по сущности къ неразгаданному и тайному; какъ драматургъ, онъ исходитъ изъ серьезнаго изученія Шекспира: онъ сдаразельно издогоаетъ лирической расплывчатости, сфриваетъ къ эпической полнотѣ, къ глубинѣ и энергій; но онъ не умѣетъ придавать своимъ пьесамъ сценическаго интереса.“ (Л. Куршниковъ).

Второй періодъ начинается приближенно около 1827г.; съ этого времени Уммерманъ романтизмомъ пользуется зовско, какъ формою. Для зого, чтобы про-

бодура идеи любви къ свободе, гуманности, уваженія къ человеческой личности, и наконецъ образамъ изъ романистика саратовцев поэтомъ молодой Германіи.

Къ этому періоду, кромѣ драматической поэмы, Тригедія въ Маронга, и трагедіи „Императоръ Фредерикъ II“, описываетъ его глубоконасленной книж. „Мерлинъ“ (1832г.).

Императоръ не обладалъ большой силой воображенія; но ловко умѣлъ прикрашивать это модовсю къ долгу, чести, образованию и вышесказаннымъ мизерабурскимъ заманкамъ (Его Gesamt. Schriften изд. въ 14 томахъ. Düsseldorf. 1835-1843. Новое изд. Volkherger's, съ Биографіей и введеніемъ въ 20 томахъ. Berl. 1883. О немъ см. Frei, Litzsch: Blätter der Erinnerung. Stuttg. 1842. Puhlitz: K. Zimmermann, sein Leben und seine Werke. 2 Bde. Berl. 1871.)

Гейнрихъ Гейне жилъ съ 1799 до 1856гг. Онъ 1799-1856 принадлежалъ къ саратинной, довольно многочисленной и разбросанной по разнымъ городамъ Европы еврейской фамилии, между членами которой встрѣчались и бѣдники, и миллионеры. Родной дядя поэта, Соломоновъ, бѣжалъ одними изъ богатѣйшихъ Санжировъ Германіи. Далекое же въ землѣ саратинной повезло озеру поэта, Саму, Сому, зоме челоуку очень способному, художнику въ думѣ, принудительному жить зороблей. Самсонъ поселился въ Дюссельдорфѣ и открылъ тамъ магазинъ съ краевыми зоваромъ. Въ Дюссельдорфѣ жилъ докторъ еврей, челоука довольно сообразительный, за свое искусство возведенный въ дворянское зосоуи. оубо, Гальдернъ; на его младшей дочери Елизаветѣ женился Саксонъ Гейне. 13 декабрь 1799 года родилъ ся у него сынъ, названный, въ честь одного изъ анг.

Узнаменитый поэтъ

ийскими друзьями оца, Тарри.

Поэт Тейне, какъ болышмехво поэтъ, въ ренессанс доузева болы подъ сьмьновыи влдіиельи махери, менционы оченъ замглазельной. Въ доица оица, козорси она покинула, сравнительно, поздно, она получила оуличное, не менеси серьезное образование. Гордая поклонница Руссо, она начинала воспитаніе, не доуей съ перваго дни нѣтъ роуиденія; воспитаніица медика и есдесрвовада, она сзараласъ деронаръ какъ можно дальше оуъ всего французскаго, удалла оуъ нѣтъ съ одитаковой энергіей и сьувствіе, и поэзіо. Въ снэзіо для развудіа поэзискаго таланта Тейне, едъ влдіиель въ эгои оуоиошесіи парализованое природной наклонносью реденка и обсрводелсрваки: едъ Сраръ, сьраезной, Сраъ не удачней публицеуръ, оукрвил реденку богауру библіотеку своего оуца; не могла маръ предохра, нить своего первенца оуъ знакомерва съ семейныи, ни предаіиами, въ козорвиъ, между прочимъ, вид, нуо роиъ играла французскаяд мнгось едъ рад, ного дѣди, далло сьрансрвоваваемаго по воероку и после многиъ прикляогеніиъ Гюсавинаго въ Анг, лію; замглазъ сложныиъ коудісрвома, она не могла наконецъ предохраитиъ его оуъ нѣсенъ и сказокъ прислуги.

До юзи мюуъ Тарри училсѣ дома и въ частной еврейской школѣ, а юзи мюуъ поерунилсѣ въ лицей, едѣ получилъ довольно порядочное класси, ческое образование и выучилсѣ не дурно по фран, цузски. Первая книга, прочтенная имъ добровольно,

для содѣявшаго удовольствія, были Донтъ Кихомъ,
въ переводѣ Шлика; первый философъ, изумленно ко-
зорого онъ предался подѣ влѣдѣніемъ одного изъ го-
варинцевъ, были Шингоа.

По окончаніи курса въ лицей (1815 г.), Тейне
желалъ поступить въ университетъ; но родители
его были не настолько сообразительны, чтобы содержать
защѣ сына, и Тейне поступилъ на службу въ банкиръ,
служу контора въ Франкфуртъ, а оттуда перешелъ въ
Тамбургъ, гдѣ жилъ его дядя Соломонъ. Дядя далъ ему
средства завести собственную коммиссіонерскую контору
на коммиссіонерскихъ начальныхъ; но дѣла пошли плохо,
и контора скоро ликвидирована была. Увидавъ неурю,
одного изъ племянника къ зорговилъ, Соломонъ велѣлъ
содержать его три года въ университетѣ на юридическомъ
факультетѣ, чтобы онъ могъ позвать собою адвоката,
Жонъ. Въ Тамбургѣ Тейне влюбился въ одну изъ своихъ
кузнецовъ, впоследствии вышедшую замужъ за другого
и несчастную въ замужествѣ. Познакомившись тогда,
пѣвшемъ древними языками, Тейне въ 1819 г. выдержалъ
экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ Бонн-
скаго университета. Но Тейне въ это время мало, къ
огорченію родителей, занимался предметами своего фа-
культета; за то обильно посѣщала отъ лекцій факультета
философскаго. Наибольше сильное вліяніе оказали
на него Льюисъ Шлегель и преподаватели исторіи
и нѣмецкой литературы. У Шлегеля собиравались многие
художники и профессора; студентамъ не легко было
попасть въ этотъ салонъ, но Тейне, какъ поэтъ, скоро
получилъ туда доступъ. Шлегель закрывалъ ро.

манушескiй сремленiй Тейне и совтороваль ему за,
 идред оудыкоко сруда! Въ 1820 г. Тейне перешель
 въ Терзунгенскiй унверситетъ, гдѣ били одимы нѣ
 усерднѣишми слушателями нѣмецкаго германска
 Тейне. Его занятiя въ Терзунгенѣ били прерваны
 насильственно, какъ какъ унверситетскiй судъ исклю-
 чилъ его на полгода за вызовъ на дуэль. Тогда Тейне
 перешель въ Берлинъ. Берлинскiй унверситетъ въ
 это время имѣль цѣльмъ рядъ знаменитѣльхъ препо-
 давателей, въ томъ числѣ Гергардъ и Готта, основателя
 сравнительнаго языкознанiя. Общество берлинское
 означалось изобилiемъ салоновъ, гдѣ имѣреть днѣ
 создавали философию, поэзи и искусство. Первымъ
 салономъ, въ которъ попалъ Тейне, били салонъ Рахили
 Левинъ, безреловной поклонницы Тѣре. Рахиль, въ это
 время уже 50-лѣзидя женщина, имѣла на Тейне
 сильное влiянiе: она заставила его ознестись съ Гете,
 имѣль вниманiемъ и симпатiей къ произведенiямъ
 великаго дзвекника, какъ называли Гете.

Въ 1823 г. Тейне навѣсривъ своихъ родителей, кото-
 рые просиивали въ это время въ Мюнхенъ, и
 отвѣзидъ въ Тамбургъ къ дѣду, тогда уговорилъ его
 продолжать судейскую срудеику. Въ 1824 г. члѣръ
 Байронъ англiйскiй славы поэтъ, и смерть
 его довольно сильно подвѣрговала на Тейне, кото-
 рымъ случалъ себя одимы нѣ его послѣдователямъ.
 Въ послѣднiй годъ судейскаго, проведеннаго въ
 Терзунгенѣ, Тейне совершилъ путешествiе по Гарцу
 и Шварцъ. Въ это же время били отъ въ Гетте и
 Рейхартъ, и посетилъ Тѣре, которъ принялъ его

1) Впослѣдствiи Тейне точно такъ же прославилъ въ своихъ
 сочиненiяхъ Шлегель, какъ въ свое время били восполь-
 зованъ Шлегельмъ Брюстеръ.

востановлю, но сужо.

Въ 1825 г. 3.10 мая Тейне вѣдѣрталъ въ Гейдунгенъ Экзамента на доктора юридическихъ наукъ, а черезъ полтора мѣсяца защитилъ диссерт. Герцога нѣмецко-го кѣдталъ оны, почти законченъ, перешелъ въ Эрмеханъ, сужо, а именно прозаезансужо, не безъ колебаній и сомнѣній, говорилъ, что не хочетъ дать Риминдавалъ права обходится съ нимъ фамилярно. Въ ноябрѣ того же (1825) года Тейне прѣѣхалъ въ Гамбургъ, на, которебалъ замъ занимался задръся адвокатурою, но не привелъ въ исполненіе своего намѣренія: во-первыхъ, оны кувезовалъ акципарисо къ юристу, девици, а во-вторыхъ, оны сознавалъ свои силы для много назначеній. Усталъ его, Пудевалъ карьеры заставилъ Тейне серьезно готовиться къ поприщу политическаго писателя; для пріобрѣтенія политическаго языка и для ознакомленія съ лурней конспиративной въ мірѣ, Тейне отправился въ Англію. Оны проводилъ замъ нѣмецко-го посланца, посѣщавъ засѣданія парламента и прислушивался къ политическимъ дебатамъ. Въ Англіи оны вынесъ суровую ненависть къ Валлингтону, который имѣлъ несчастье быть егаслывалъ замъ, гдѣ были великіе люди. По возвращеніи изъ Англіи, оны напечаталъ второе изданіе своихъ сужо-словеній, прибавивъ къ старымъ много новыхъ.

Баронъ Козза пригласилъ Тейне къ участию въ редакціи Саварской газеты: Политическій Аппалъ. Тейне отправился въ Мюнхенъ и по дороге, во Франкфуртѣ, видѣлъсь съ Кірни, съ которыми сошлся довольно близко: у нихъ было немало одиныхъ симпатій, но были сличивъ и подобно французскому писателю Кондескесѣ

сложивъ ангиназиин: они въ одинаковой степени нека,
 видими средніе вѣка, „геранизъмъ“, научное педагогическое
 и фактъ-называемое чистое искусство. Козза гдѣмъ Тейме
 съ редакторіями и сразу предложено ему 2,000 гульденовъ
 въ годъ безъ опредѣленности занятій по редакціи и съ
 освобожденіемъ за сраженіе. Но Тейме не дозволилъ отдѣлѣ
 себя газетѣ: онъ связалъ себя обязательствами только
 на полгода, работалъ для газетъ мало и подписывалъ
 казенное письмо. Въ это время Людовикъ Баварскій изъ-
 крале въ Мюнхенѣ университетъ и подбиралъ про-
 фессоровъ либеральнаго направленія. Тейме сразу добилъ
 вакансіи катедры; онъ хлопоталъ о ней черезъ Коззу,
 черезъ министра и черезъ извѣстнаго русскаго писателя
 Тютчева, который занималъ при Баварскомъ дворѣ
 дипломатическій постъ. Вообще увѣренный въ успѣхѣ,
 Тейме отправился въ Мюльгау, надеясь, что извѣстіе
 о назначеніи его профессоромъ догонитъ его во Флорен-
 ции, гдѣ онъ оставался довольно долго. Надежды Тейме
 не сбылись, повидимому, вѣстившіе происхожденіе Клер-
 каловъ, которые считали великимъ скандаломъ допустить
 еврея на катедру Каролинскаго университета кришнаго
 еврея, сильно заподозрѣннаго въ аженствѣ. Изъ Фло-
 ренции Тейме вернулся на родину, куда призывала
 его старшая дочь Болтоульница оуца. Слѣдующіе два года онъ
 штилъ хо въ Тамбуртѣ, хо въ Берлинѣ и удалъ зрѣніи
 дома своего „Пуревнѣ карзинѣ“, въ козоровѣ полнизи,
 чская окраска еще сильнѣе, несли въ первомъ и во
 второмъ. Не штилъ носить этого возмозможнаго разсирѣ,
 вале на безопасное въ Берлинѣ, онъ провелъ зиму
 1829—30 гг. въ Тамбуртѣ, гдѣ въ факѣ сильной мѣрѣ

предавался всемогущему влиянию вольного города, что раз-
 едрило свое здоровье. Ранней весной пережилась она
 на дану и все отдалась изучению французской революции,
 точно предчувствуя будущия события, „подобно жонке, какъ
 пужа предчувствуетъ бурю“, какъ сама обиделась она
 вноследствии. Ради морскихъ купаний, она отправилась
 на островъ Тенголандъ и здѣсь получила известіе объ
 июльской революціи въ Парижѣ. Она сѣла въ нее охот-
 вилью островъ и переехала на материкъ въ ожиданіи,
 что за Парижскихъ подвигедей и бедъ Европа. Надѣялись
 его, какъ известно, не сбывшес, и Германия не устояла
 даже помыслить вздохнуть. Тогда Гейне снова ухаживалъ
 на поиски счастья; она даже годовъ была приключеніемъ
 въ Мюллершховерской Отане, наморевается въ озонъ
 случаи охаживать полизуку и вернувшись къ невинной
 поэзіи; она даже думала о Мюсеръ Гамбургскаго синдика.
 Но у него было много враговъ, не доверявшихъ его силъ,
 ревно, и весь его исканіи охаживать издѣлывали. Тогда
 она пришелъ къ заключенію, что въ Германиіи ему
 больше дѣлать нечего и рѣшился поехать въ Парижъ,
 чтобы служить посредникомъ между Германией и фран-
 цией. X

Въ концѣ апрѣля 1832 г. Гейне покидаетъ своего ро-
 дину. За это время его слава была упрочена. Этимъ же
 году Гейне переехалъ въ Парижъ. Первая
 впечатлѣнія были чрезвычайно сильныя и пріятныя,
 жаль болѣе, что она, какъ невинный поэтъ, умѣла
 хорошо наблюдать. Скоро получилъ она доступъ въ об-
 щество, гдѣ его президе всего поразили мирная ожно-
 меніи политическія парціи. Гейне была корреспондентомъ

сретенниковъ: 130 днй въ день мы приходимся бороться съ преследованіями, прокубы козоровъ и свѣа могу усмотрѣ. Вы не знаете о дѣлахъ нигриль и нигриль, козоровъ возни, козоровъ при свѣаомъ возбужденіи борьбы между парзиди и озравляюрь мы низръ... Но скажите мы, гдѣ слѣдуетъ искать коренного основанія зого проклятія, которое здѣлывается надъ вѣаки высокозаланцильскими людьми! Когда заключаются перемиріе между много и ^{много} многими врагами, они однако не менѣе ревностно работаютъ взаимно, такъ что я долженъ быть готовъ ко вѣаки воз. можности проявленія свѣаомъ смертельной независимости и презрѣившейся подлости. Но все это куда бы еще ни шло, если бы зовько не носилъ я худшаго врага въ своемъ собственномъ глѣзѣ. Заглава отъ говорить о своей болѣзани. Его идеальная и нескасная оураха къ кузине, востановляемая мы вѣа низръ, не могла ему въ Тамбурѣ и другихъ мѣстахъ увлекаться; она не могла ему въ Парисѣ свѣагаръ свѣа прочно въ землерой, козоровъ не могла помышлять его.

Махмуда Мирѣ была совсемъ необразованная бабушка и увлекла Тейне исключительно своей физической красотой. Онъ, повидимому, покорился и уше не разговаривалъ съ Махмудомъ вѣа низръ; въ 1832г. отъ помышлялъ се въ пансіонѣ, гдѣ помышлялъ се зовько по воскресеньямъ. Но и пансіонѣ не много прибавилъ къ ея образованію; она не имѣла почти никакого пондзія о согаментальнѣ муна; по-итальянски, послѣ многихъ уроковъ, усвоила зовько одну фразу: „Vite, zick en setzen“ (проту садирсѣ); она была очень религіозна и безмолвно ублажала махмуда. Но у неѣ было доброе сердце, и она по своему любила

Тейне; оно обвѣщалося съ ^{французской} Маршбдой передъ одной дуэлью, чтобы одержать ее на случай своей смерти.¹⁾ Въ это время онъ получалъ отъ своего дяди Соломона пенсію въ раз-
мѣрѣ четирихъ тысячъ франковъ въ годъ; литературныя работы въносилъ съ издателями сочиненій приносимы
ему, преимущественно, съольско еще; кромѣ того онъ полу-
чалъ въ царствованіе Луи-Филиппа пенсію изъ соб-
ственнаго суммъ этого короля; поэтому не менѣе онъ
посохотно и счастливо извѣдался въ денсгау. Въ Франціи
прожилъ Тейне 25 лѣтъ, получая, какъ уже сказано,
въ царствованіе Луи-Филиппа пенсію. Здѣсь же онъ (внѣ,
милед. Но здоровье его, раздробленное усилительными уру-
дами, день ото дня слабѣло.

Въ 1844 г. Тейне поѣхалъ въ Тамбургъ съ Маршбдой,
чтобы показать ее роднымъ и набраться новыя впечатлѣ-
нія въ покинутомъ озерсѣ. Въ томъ же году умеръ
дядя Тейне, Соломонъ, въ послѣдніе годы несколько
увеличившій пенсію племянника. Старшій сынъ его,
Карлъ, унаследовавшій все соеозаніе, отказался платить
эту пенсію. Тейне пришелъ въ сурражное отчаяніе:
„мы возили въ сердце ножъ“, писалъ онъ по этому
случаю; онъ переходилъ изъ одной крайности въ другую:
до сочиненія пугача проевдѣльный пестна, до угрозы
передать дело на судъ общесудебнаго мѣстна. „мой
двородный братъ любилъ опициновъ, сигара и покой;
послѣдній я озилу у него, дайтехуид мизературныя
орудіель; писалъ поэра. Карлъ Тейне предлагалъ пенсію,
но въ меньшемъ размѣрѣ, и при этомъ требовалъ, что
бы Тейне далъ обдязательство никогда не задавать
пергаго своихъ родственниковъ. На обдязательство поэра

¹⁾ Искренне къ нему привязанную

²⁾ Тейне была раненъ пулей въ ногу.

Била согласна, но об уменьшении пенсий не хотела и думать. „Если бы у меня не было денег, говорилась она, я бы бросила деньги ему в лицо“; другой раз отъ въ, раздала готовящееся умереть съ голоду, а бедную Мариюду послала въ монастырь. Она насильственно требовала всей суммы пенсий 4,300 франковъ, съ тѣмъ, чтобы половина ея переходила къ ея жень, и просила вѣдать друзей и знакомых за него передъ Карломъ. Наконецъ Карлъ смирившись: даже не доиздавшись обзавестъ, съва, возобновила высылку пенсий, и когда черезъ годъ прѣехала въ Парижъ, окончательна помирилась съ Текриломъ. Однако несколько мажжеви, во вредъ розоривъ проехадими три унизительные для позъ дорги, имым очень вредное влїдїе на здоровсе по, еждило.

Въ самой ранней юности Тейне срадала первыми головными болдами; къ 40 годамъ здоровсе его поправилось: она даже ерала политызъ, но опасеное осудася безъ куса жлада или по крайней мѣрѣ съ болтве черевъ, болтве круковъ, нестели доръ, къ розороню отъ привиса, Била приимного, что головной боли ондъ усилимсе и дошли до недивалой ерени. За тѣмъ поелтдовали рядъ какъ бы медоншмхъ нервныхъ ударовъ; лавей глазу ^{оно} сдаль закрывася. Тейне любила шизю, еталамъ о ней, когда она уходила: „Если я и не зерепъ шару, до все же шизю для меня позерана, навсегда, навсеки позерана; а я привязанъ къ шизю какъ гордо, какъ срадно!“ Имехъ отъ въ 1848 г. Бразу Максу. Дрозъ годъ прошема для него особенно ясноело; отъ кандрима и отпаднмо болтве болевса, какъ что въ полнѣйшей

Безнадеемное и написала (на французскомъ языке) духовное завѣщаніе. Вскорѣ поелъ этого болѣзнь спинного мозга окончательна сломила его въ постель. Думали, что Тейне не продержитъ и года, но онъ прожилъ, не ведая, вѣдь съ поедели, 8 лѣтъ (съ 1848 до 1856 г.). Старва она ослѣпла, похоть разбуха была параличемъ. Сохранивъ, однако, вѣсь удивительная силы, онъ складывалъ надъ своими несчастными положеніемъ. 3-и года не были безплодны: онъ диктовалъ, заставлялъ чужахъ себя писать, принималъ визиты; его посетовала масса французовъ и русскиховъ ту вѣсть евраговъ; но почалъ, во время мучительной безсонницы, онъ карандашомъ писалъ стихи.

Въ 1852 г. онъ издалъ новое ^{полное} собраніе своихъ стихотвореній, въ 1854 г. написалъ свои „Признанія“, а поелъ того замчался редактированіемъ и отчасти переводомъ своихъ сочиненій на французскій языкъ. Тейне завидя полное равнодушіе къ долгу, дѣлъ его похорошевать, и высказываеся въ долгу смысле, что смизаетъ себя Христіаномъ, а отнюдь не лютераниномъ и католикомъ. Замыгачелъ, но, что Тейне запрещаетъ разглашенія на его поелъ.

Въ 1855 г. поелъ оставилъ его секретарь, слышавшій слы много лѣтъ; Тейне былъ въ болѣзномъ горъ: онъ думалъ, что не будетъ въ состояніи работать съ другимъ. Секретаря замочила дѣвушка полу-французскаго, полу-италка, которую поелъ прозвалъ Монше; эта дѣвушка была послѣднимъ его увлеченіемъ, раздумавъ, вполне идеалистична. Тейне утверждалъ себя осмивленіемъ въ ад преемствѣ, писалъ ей стихи, готовилъ маленькіе подарки и прог.

За нѣсколко часовъ до смерти, поелъ музическаго

для Германии, «думавшего» поэта среднего сословия, ко-
роль незаслуженно пренебрегал романзиски, ввиду
выявившейся жонско аристократией.

Вз апреля 1823 года вышлн двѣ трагедии Гейне:
Ratcliff и Альманзоръ пестъ луг. Гукерметого («Рахклифъ»
и «Альманзоръ» съ туркескимъ индирмесцо, Берлинъ
1823 г.), Гибшидъ, таюь сказанъ, послѣднимъ словомъ ро-
манзисеской драмы. Первая (, Вильгельмъ Рахклифъ) была
весьма характерисична, но прошла незамѣтно. Вторая
путь нить (, Альманзоръ) ильнѣе означеніе къ одиссеи,
пону помокенію поэта: она изображаетъ въ германъ
краскѣ озеруническѣ оръ религии оцѣвъ, перехода
нить въ христіанство нѣе практическимъ цѣлѣй.

Вильгельмъ Рахклифъ никогда не были похвалены, а
Альманзора давали въ Брауншвейгѣ съ значительны.
ли сокращеніями и урѣзками; но пѣса была освѣ-
сана раньше окончаній нѣе за національнѣе авдѣра.
Въ то время въ Берлинѣ существовало одиссеи для науч.
пой культуры евреевъ (Verein für Cultur und Wissenschaft
der Juden), основанное въ 1819 году. Одиссеи искалн
нѣе удостовѣненія, что въ антагонизмѣ христіанѣ и евре-
евѣ, въ преслѣдованіяхъ и безправіи послѣднихъ, вино-
вады одѣе стороны, что антагонизмъ къ евреямъ будуще
имѣетъ основаніе до тѣхъ поръ, пока они будутъ рѣзко
отличаться своимъ языкомъ, адидѣи, нравами, будуще,
короче сказанъ, созавлѣнѣе государствѣ въ государствѣ
и при этомъ будуще отдѣляются антагонизмическимъ кенро-
изводительнымъ задержаніемъ. Одиссеи поставило себя
цѣлѣю сравнѣе въ образованіи молодыхъ еврейскѣ по-
колѣнѣ съ христіанами, претендировало, по возмѣн.

поети, обособленно евреев во языке и нравств. и, оз.
 влекая евреев озв. „гемерзюв“, дозавидръ ина дръжк.
 болше производительской заплдк. Общество озкрыло ина,
 сколько школъ для еврейскихъ дщрей, гдѣ преподаваніе
 производилось на иезотнѣ италицкой языкѣ и на
 основаніи, приидрънѣ въ школахъ Хрисіанскитѣ;
 кромѣ того, для взрослыхъ оно озкрыло курсы иублн.
 поитѣ лекцій и научнѣй сурналѣ, гдѣ, между про,
 ина, энергично разрабаывалася иезорія еврейсва. Тейне
 приидкънѣ къ „молодой Палесина“ — заково было ина,
 кое названіе общества, — близко соителѣ съ инакозоровнѣ
 ет. руководителѣми и соитисувовалѣ ед италѣмъ, „сзара-
 зактиснѣ“ евреи находили, что „молодая Палесина“
 преподаваніемъ иезоріи въ одной ина школѣ. Общество,
 однако, сущесувовало недолго; богорые евреи не давали
 средсва, не соитисувуд ето италѣмъ; „сзарозавоитиснѣ“
 евреи находили, что „молодая Палесина“ прозирѣ ина,
 итоситирѣ еврейсва, и ед воспитанникѣ или переидурѣ
 въ Хрисіансва, или внадурѣ въ аженѣмъ; а ирусское
 правителсва кое ситозрѣло на ведкѣи общества и
 ассоціанціи. После эой иедѣи, Тейне въ иервнѣи разѣ
 началъ подуривае, не переселитсѣ ина ема навсѣгда
 во Францію, гдѣи ситисирѣ посредникѣмъ между двумя
 передовикѣи сзраканѣи Европы!

Но пока еще онъ озправилѣ въ Гамбургѣ, тамторевает
 разѣ заидръсѣ адвокатурѣи, но не иривелѣ въ исполненіе
 своего тамторенія. Заго въ Гамбургѣ онъ окончилѣ свое
 „Flangreisz“ („Иудеисва по Тарцѣ“, 1822.) и тамъ ситѣ на,
 ителѣ для него издаелѣ въ лицѣ Камне, которѣи и
 созалѣ ето издаелѣи навсѣгда. Ина Тейне едѣиелѣ

извещивших донско о выхода этого сочинения, устное
 которое было более политическое, нежели литература,
 был, потому что Гейне говорил о нем с особенным
 интересом своим и равнодушием и имел правительств.
 „Путешествие по Таргу“ имело огромный успех; даже
 друзья Гейне не осуждали его него ничего подобного,
 как как считали его донско способным к великой
 в политическом смысле и политическом по содержанию
 лирике.

В 1827 г. вышла: „Buch der Lieder“ („Книга песен“),
 в которой имела величайший успех баллада его:
 „Король Давид“, „Шамбург-масор“, „Два гренадера“, пьеса
 о Морелетте и многие другие. С этой книжкой Гейне
 стался главным полюбой Германии. Но и эта книга,
 выходя со славою, наделала ему много врагов и
 неприятели. Такие как Бренцано, Кернер, Уланд,
Дилендорф, Вильгельм Мюллер, Гейне изгнали на
 подругу пьесу. И для него „Des Knaben Wunderkammer“
 были основания поэтического развития. Он никогда
 не продолжал писать в английской манере, строго риф-
 мическими строками без рифмы; из народной пьесы
 он замечивал несимметричную метрическую форму,
 но также и строго, богаче двусложными рифмами, ко-
 торые так резко отличаются от высокого и великого
 рисунка Платона. Он никогда не писал, как Уланд,
 Мюллер и Дилендорф, на чужие роды: одноклассы,
 но он занимался взглядом только от своей собою
 особы. Он больше всего раздвинул, как и Уланд,
 собою Бренцано, от которого отличался главным об-
 разом званием, что отличался Дорфером и что его не

удерживаюта никакиа срдливая сомнвня, чтоби
уверенно доизгазть эффека. Она всегда имель ввиду
публаку, козороу иискуликуа благородные или пошлые
оны хогезь возбузидать; каидое лицо, козоро она на
себѣ прикимаель, она пробужеть вь зеркалкѣ и осажеть
иль доволенъ, меду рѣчь, какъ Брендано писалъ для
своего собузвѣннаго удоволсудия. Никто лучше не ха.
рактеризуель повисившюся мизрагурикую лобкосѣ козѣ.
милъ романзикуви, какъ писалъ Тейне о Лорелетъ. Сво.
судъ — вовсе не народное сказанье; она били выдумана
Брендано и излошена какъ баллада вь рамкѣ рома.
на: „Zu Bacharach am Rheine

Wohnt' eine Zauberin,
Sie war so schön und feine
Und riss viel Herzen hin.“

(Въ Бахарахѣ на Рейнѣ жила волшебница, она
была красива и прелесна и увлекала много сердець).
Мѣз 25 сурфь Брендано, адити забавный романзикуви, графъ
Либена, сдѣлалъ вь 1821 г. корфенский мурисский наекъ,
къ козорому присодинилъ разсказъ. Велкъ за толькѣ,
вь 1824 г., Тейне взялъ зоръ козиль, внесъ безумление
разсказа Либена вь сакуру тьеню и чрезвычайно удачно
нарисовалъ картинку пейзажа и водной дѣвы, козороа
расчесиваель свои золотые волосы золотымъ гребнемъ,
какъ что тесѣ сурфь создавляють законченное муриско-
эпическое цѣлое и, содерени сопровозидаемая самуи
менталной мелодией, получаютъ значенье народной
тоски: Тейне своей искусной радозой позналъ то,
что Брендано поставилъ... Тейне, какъ и Брендано,
предназначался для купеческой профессии, но не выи

была эпохального значения, к которой многие сформировались. Рассказчики говорили о своих героях с высокопарной умышленной и в особенности сквозь юмористические идеалы давали угадывать востро дальновидное отчужденное человека. Фридрих Шлегель нашел пропито в Гёте, сколько, Вильгельм Майстер; они требовали пропито оху каждого наследника поэта; и эту пропито они определяли го в свяди ст. Сократовскими святошными мысли и серьезности, го как последнюю пародию на самого себя, го как "трансцендентальное искусство", го как "ясное сознание в вострой подвижности бесконечного хаоса". Пародия на самого себя могла бы быть пошлостью, которое практически осуществляется в романтизме и находило извращенно пору в юмо, риторическом писательстве; но ни у кого она не развивалась с такими богатыми последствиями, как у нашего поэта Гейне. Даже в шуточном творчестве вполне серьезного содержания она вносит сильные и преувеличенные обороты зажимы образов, что немаловажно думать, который приключаются иль серьезно, должны быть пронизаны еще сильнее, но меткие небольшие могут подмечать улыбку, что, главное гуси во всем мире востра. Теперь такжорое примыра его прочтешески посылать: 1) Вотбы здесь я моги спокойно,

Оудайте мне просохры полей...

Я задыхаюся - во злом узком,

Прозаическом мире жорамей.

Мне мизис во пиде, во блаженстве скоромном

Прободить с ночи до утра,

Мне милосердие широко,

Как в кружком миценской дери.

Торгашь въ зубахъ у ниль сигары,
И руки сиротамъ въ пальцы,
И лорото миниваренье, —
Но ниль переваришь ли кро?

Хоть космофизическиль зоваровъ
Къ ниль грузъ идешь со велье сурово,
Но воздухъ сирадомъ ниль душевниль
Какъ перрвегина зарасенья.

Нюхъ! Видь кровавиль презумпциль
Такъ возмущиль меня едвакъ,
Какъ добродушии и сазой
Тыная, дряблая мораль!

Зачемъ меня остана зуди
Не унесушь съ собой давно?

Хоть къ големужоуамъ, хоть къ ламландцамъ...
Хоть даше къ томицамъ — все равно.

Но зуди чиниль несутся,
Меня не слушаю, впереди...

И бодзливо чекоркломъ

Надь зуди городиль полеть! (А. Плещеевъ).

2. Сродъ оъ вика звёзды

Медвистно надъ землю,
И смозреть други на друга
Во модово и зоской.

Миль здыка (богашь оны
И какъ хороше) не мовъ
Поэзиинуть ни единой
Ученый филологъ.

Но я его изуди

Все изуди въполнъ...

Видь глазки милой были

Трайвазикового миль. (А. Михайловъ).

История нрав. температура первой половины XIX века.

3. Воздух бардамы и не боится!

Мельчай маркизандуку звучной,
Возь смысла глубочайший искусства,
Возь смысла философии веши.

Сильные сушки... и зревогод
Она она же народь пробудит!
Возь смысла глубочайший искусства —
А сава марширчи впереди.

Возь Тегель, возь книжная мудрость,
Возь духа философскость начала.

Давно я пошутил эри займа,

Давно бардаманчикомь стал! (А. Плещеев).

4. Уши слишком озвучена жизнь и вселенная; —

Къ профессору книжку поиду импрелюжно я:

Откры, ее не оставлю оти зава.

Сиделки придумавъ, даю иль названия...

Младрочь надъвими и спальной комната,

Оти изданае дьрки всего мироздания. (В. К.)

Въ 1827 г. Гейне издае продолжение Пудешесвий
картинки ("Reisebilder"), которое еще долго определило
его направление; книга была запрещена сперва въ Тан-
новерге, потомъ въ Австрii и въ Пруссii. Критика
разбранила ее, отчасти въ угоду правительству,
отчасти искренно, за нарушение всякой литературной
формы и приличii; но публика была въ восторге, не
говоря уже про либеральную молодежь; сами цензоры
и полицейскiе чиновники замигивались ею.

Уже гуманистическiе поэты XVI столетiя любили
сочинять поэтическiя описанiя пудешесвий. Въ XVIII
столетii санкционированое пудешесвiе Лауренса Ферма

1) Теперь несколько словъ охъ поговоримъ поэтическiе ^{прозаическiе} описанiя
сантi пудешесвий восторге.

(Lorenz Aene, англійського писателя, жившого з 1713 до 1768 рр.) дає образці, козорьми востанцимь и козорий нмьцкїє лїрици нашли штенно удобовимь кь долу, тоди привздває свого судьскривноєх кь вїтви, нїмь предмозань и мелкимь соборїдїмь. Мєдудь зьой Сьєрновскїєй манєрой и науковимь описанїемь нудєсєрвїдї (какого нїбудь) Александра Турнбоєрста, єго предсєрвєтнїковь и послєдоватєлєй, лєдїмь много озьтєковь; и нмьцкїє писатєлї проши всю сїяку озь самої крайнєй судьскривноєх до єзроїєй обьєкривноєх. Нудєсєрвїдї Гєтє вь Швєйцарїє и при, надлєснїцїєй кь нїмь замьганїєй самї по сєбє ука, зоватєрє уєнє вєсє сунєсєрвєтнїєй разлїчїєй. Лїриковь Іоганн Гєорґ Ієковї (1740-1814) подразнїлє Сьєрнєу своїмї „Нудєсєрвїдї“ („Sonnette“) и „Зїмнїєсє нудєсєрвїдї“ („Wintergedichte“). Франц Шрєнбєрґ нудєлє „Нудєсєрвїдї по Гєрманїє, Швєйцарїє, Уралїє и Сїцїлїє“. Норвїц Авґуст фрєнц-Штєммлєр, авзєрє „Вїсєгєлєтнїєсї“, вєнє, сєнїє оєнє занїматєлєнє и прєсєвєтєнєсє „Нудєсєрвїдї вь юєнїєй прєвїнцїєй Францїє“. Франц Норвїц Арндт нє отнїєдїєй разсказывалє о своїмь многоїєс, лєтнїємь нудєсєрвїдїємь и єзрєнєсєрвїдїємь. Іозєфрїд Гєїтлє (Гєїтлє) нєнїєлє вь нєчєлєкє) Вїд єзрєнїєй „Прєчлєку вь Сїракуззє“. Адєлбєрґ фрєнц-Шамїєсє описалє своє крєпєсєвєтнєсє нудєсєрвїдїє кєкь уєнєнїє и поэрє. Многоїє нудєсєрвїдї вь Швєйцарїє и Уралїє закїлє поэровь, кєкь Мєддїсєнє, Бєггєдєнє, Шїкє, Вїєт, Гєлємь Анєллєр, Плєрєнє, оєзавїлї по сєбє поэрїє. Гєєскїє нїлї прєзєнчєскїє пєнїєдзєнїєсї, нїлї нєзє, и дрєдє. Кь нїмь прїєєдїнїєлє Гєнрїк Гєїтлє своїмї

„Путевые картины“ (*: Reisebilder*), которые появились
 в 1826-1831 годах и были необыкновенной удачи,
 который наш генерал едва понимает. Если бы он осмелился (говорит В. Шерер)
 в сторону действительной изображения природы, особенно
 картины немецкого моря, где отчасти есть действительное
 наблюдение и сила изображений, отчасти работа прикрас,
 лихая мифологическая фантазия, и обратил внимание
 в особенности на ода „Иралиа“, которая в самой
 Иралиа всегда пишется с удивлением, до мы находим
 царю мараду „Самуилевальнаго путешествия“, науку
 субъективности, раздумью над великими предметами,
 там, полужизненно болтовню пустяка рода, и скудное,
 почти как у Клоуизока, поэтирование мира: действительное,
 зальное замечая или украшая действительности;
 бедствующая вещи оживлены, а живая представляется
 как мертвая; горы, деревья, дворцы говорят, говорят
 поэту, мечта и действительность смешиваются, поэзия
 и природа образуются друг в друге; всеобщее суровое
 впечатление совершенно сплывает в германские омы. Из
 цыган уже не столько для нас архаизма; они уже
 забыли как после ночи путешествия. Точнее угад,
 которая не ощущается в „Путевых картинах“, также
 угад, как в первый день. Какая противоположность
 с спокойствием, земным взглядом, с которыми Теде
 путешествовал по Иралиа!“ Так В. Шерер.

В 1830 (1831) году Теде писал у себя
 „Путевые картины“ (*: Reisebilder*), в которых полн,
 живая окраска еще сильнее, нежели в первом
 и во втором. Слава Теде была упрочена и по мере,
 разное направление вышло во время существования.

только картина, главным образом образом благодаря его. Путь,
 была картина: "Она небезыгодная книга и была все,
 на важное временное, публицистическое значение, но,
 слышавшие интересам избирательной партии больше, только
 послужили нам десертки серьезности фразаров и сохрани
 глубоко-исключительные передовые статьи; но помимо этого,
 "Курские картины" - "Reisebilder", выходящая от "Новосельева",
 фельетонный отрывками, важный историко-литератур-
 ный фактор, непосредственное влияние Козораго, благо-
 даря популярности книги, и теперь через полустолетий
 фактом сильно, как было тогда. Reisebilder - 4-я августа
 70й великой литературной революции, козораго нача-
 лась с Лессинга и английского семейного романа,
 а окончилась разрыв при наших выкупать полноты
 разломления ветви суровых литературных форм.
 В этом отношении всего важнее первая часть: "Карт,
 реде - Пурешесбие по Гарцу и Уден. Миллионы читали
 эту книжечку и миллионы будут читать ее, а между
 тем (говорит А. Куршомников) ни одна из картин сего,
 мажорский немецкий язык не в союзности скарта,
 что она такое по форме: поэзия? проза? описание?
 повествование? рассуждение? Путь все святило и в
 своем безысчисленном событии представляя
 стройными цыплями. Оуброенна, как много франкшное
 быть авторский заглавки, весь литературные приемы,
 умный и сильнейший "словотак" симверь перед нами,
 стиснул и тлачу, восточная, дучаеж и метлаеж.
 Онь и мизур, и говорит обь очень серьезный вещь,
 но не накоричивая лба, не становясь на коды, не
 повергая читателя заранее в умные осмидания

скуки, говорить святошский вѣнец или чинить, будто не для увеселенія или назиданія народа, а для своего соборственнаго удовольствія. У Титрива Тейне въ зтомъ отношеніи (какъ мы уже слышали) были предсудбы, ники, бѣлы и суръ (какъ мы это еще услышимъ) по снѣдовахемъ; но ни одного изъ нихъ не обладала закннѣ талантовъ, какъ оны, закннѣ кардинальскыя Дзиконы, закннѣ поразительныя верроумскыя, закннѣ умона и закого задумшевности, и по зтому ни одного не сдѣлали сробко для демократизированія науки и поэзіи.

Самые злые враги Тейне признають, что оны верроумскыя, нѣмскыя писатели XIX столѣтїа предсудбительнаго въ зтомъ отношеніи, вѣка, оны чиняють разсѣкннѣ самаго прекраснаго человека. Этобы снѣднѣ, ему не нурно выдумывать сюжета; для него довольно самаго обыденнаго явленія, въ родѣ, напр., студенческаго тлолого обѣда. Вотъ какъ, напр., оны описывають (въ Шнабелсвотдескомъ) закой обѣдъ:

• Первое блюдо было никакого супа. Это было ужасно для благовоумнаго человека, который, подобно мнѣ, съ тою же ежедневнѣ тѣмъ супъ и не можеть вообразить міра, гдѣ утромъ не воеходило бы солнце, а за обѣдомъ не подавался бы супъ. Второе блюдо была говядина холодная и кислая, какъ брафоритая корова древняго скульптора Мирона. На крѣже намы дали фреску, козоя нашла человека. Въ заключеніе явилась большая курица, козоя не только не показывала знѣ лавія утомлѣ намы голодъ, но сама была такъ луда и голодна, что уже изъ одного соудраданія мы не могли прикоснуться къ ней." Кто удержиеть оу снѣднѣ? А черезъ двѣ срацицы бѣны впечатлительныя не удержиеться

оно слезы, когда поэт рассказывает, как умирали самые
симпатичный из этой суданской компании - маленький
Самсонов, прозванный иногда придулом, которого раздра-
жили и озлобили Эзры голодный обеды.

Теперь же Тейне, можно сказать, были идеальны, пол-
ным воплощением того, что лучшие Эзрыски теории
и поэты понимали под словом: топорь, который
определялся, как задумчиво-земное отношение к
величине и малости явлений жизни, как сердце,
новый стиль без кавальери и презритель к испытывающему,
стыдливый следом без раздражения и злобы к тому,
что оплакивается, как способное существовать и воспро-
изводить конкретное в эрастическом и эрастическом в
конкретном.

Теперь же Тейне были прежде всего поэт по натуре,
как это видно из его образного, зворжеского языка, но
поэт новой формации, поэт-эрастический, не возмущая
ограничивая себя только личным и объективным звор-
жеском, поэт в равной мере слепой, в каком или были
и Некрасов, зорко с более широким образованием
и мировоззрением и с большим талантом!

Наравне своего двудесятилетнего с многой лирики во
такое время, когда все делало политическую борьбу,
он не только слишком не высоко ценил свое значение
и завидовал славе людей дома - публицистов, а на
этом поприще таланты людей было немало.
Когда Тейне спали клоуны в эту сторону, его, конечно,
привозвращали с восходом, и они были временами
в полном упоении; за то, вернувшись неудачи, вынужден
и вынужденной (оно неумолимо забирает себя в узкую рамку

1) по мнению Куртисовича

двигая перья), он скоро прикладывая в оградные и
бранил себя, и в лучшие минуты отдавался, забыв все
ослабное, наслаждению творчеству.

Как уже знаем, после июльской революции (1830 года)
Тейке поселился во Франции. Здесь, освободившись от
французскими языками, он сам перевел на него свои
"Путевые картины" и написал в прозе и стихах
множество сочинений, в которых зато он мало знал,
дальше Германии, как и Франции. В Париже он
издал популярный курс об удивительном движении
в Германии. Лекции эти, предназначившиеся сначала
для "Revue des deux mondes", вошли в свет в 1832 г.,
под названием: "Zur Geschichte der neuen schönen Litteratur
in Deutschland" (К истории новейшей изящной литературы
в Германии, Париж, два тома). Затем в том же
году: "Französische Zustände" (Французский союзник,
два тома); в следующем (1834 году): "Salon" (Салон, 1834-4022.
два тома). "Демонаги (говоря Тейке в одном из своих
писем к своей матери из Парижа от 20го мая 1834г.)
раздвинулся прозвонья меня. Они говорят, будто бы скоро
я открыто выступил аристократом. Я полагаю, что
они заблуждаются. Я совершенно чуждаюсь от политики,
чуждаюсь вопросов. Через мое творчество на это примечать
другие."

Французы имели смутное представление о католической
философии и католической поэзии, и отсюда вывели свой
романтизм от католических. Тейке рождался раздвинулся
это недоразумение и предвзвист очерков удивительной
жизни Германии за последнее столетие. Книга его
вышла под названием "К истории религии и философии в Германии,"

Впервые в 1835 г., до этого была служитель прокуратуры, собою знаменитой книгой М-те Саль, которая сличилась сильно поддалась влиянию Августа Шлегеля. Книга Тейне ивела чистоту и популярно изобразила во Франции немецкую философию, которой до того порь французы поклонялись, как сказанье издала.

Во поэзии Тейне сличает последишнее романтизмом и во то же время порвать реализмом; заков в нее отъ и во отношении къ времени. Во 1836 г. вышла его Романтическая школа („Die romantische Schule“ Hamburg), которая закъ в нее, какъ и его „Саломея“ показываеъ его несчастное озроуние, а закъ и недоезаво серж. езности. Во 1837 году похвилье его „Демонстрация“ (во, ^{судьбою диктованное} похищен, закъ в нее), здесь уничтожаетъ озроуние направлено прозвво Менцель! Захвилье, во 1840 г. Тейне окончиле своего книгу, Небо Ветне („O Berne“), во кожо. рою озерниво великаго сарурика. Во изданииъ этой книги сопричастие были для Тейне два события: дуэль и эпилепсия. Вызванной мыслию 2-ми Срауер, — о кожо. рою во его книга было сказано, что сходство ея съ Веллерой медицинской охвативаеъ только жизнь, что она закъ везра и беззуба и что подбородокъ ея, когда она вьдирежя, не менше гладокъ, какъ и у браважной богини, — Тейне было — какъ мы уже знаеме — ранено пулей во ногу. Передь дуэлью, она признала законность своей связи съ (накъ уже извезной) французского маркизодо, искренно къ нему привязанной.

Во 1843 и 1844 г. Тейне написала два мучища свои поэмы: „Атта-Тролл“ и „Германид — зимидиди сказа.“ „Atta Troll. Ein Sommerabendtraum“ („Атта-Тролл.“

1) озроуниво, но горькаго „присхраснаго кридика и словесника, захвилье во 1798—1873 г.г.

Лотзин Союз) - аллегорическая поэма в прозе (фелыста) романтической поэзии, - написание ^{надъ} Тейтцельсвилли, не, эспити германскимъ божомъ, воинамъ за освобождение и по, вийшей пьемецкой поэзии. Какъ уже знаемо, въ 1842. Тейне поѣхалъ въ Тамбуръ съ Марильдой. Последствиемъ этой поездки было рѣше остротивить политическими сатиры въ сатирахъ, изданными подъ именемъ: „Deutschland ein Wintermärchen“ (Германія, зимняя сказка). „Зимняя сказка“ произвела фуроръ въ Германіи и въ оседетности между либерального молодешаго, и Тейне сталъ снова сатиры подвиги поэтомъ.

„Romanzero“ (Тамбуръ 1851 г.), это - рядъ романсовъ гениальности и фривольности, съ сатирами и сатирами, а именно: Возвращение блудного сына къ отцу. Три года спустя явился въ светъ его „Neues Gedicht“ („Новое стихотворение“, 1854 г.), куда, впрочемъ, вошли много пьесъ, написанныхъ гораздо раньше. Въ этомъ сборникѣ, явившемся въ светъ послѣ крахъ временнаго и неудачнаго политическаго движенія въ Германіи въ 1848 году, есть откликъ на это движеніе, заключающійся въ подвиги написание надъ орапорезовомъ возидей его и самооболь, шеніемъ пьемецкой литературы, которая сужала на, рядъ германскій созрѣвшихъ для движенія и самое движеніе 1848 года серьезными. Когда же, въ 1848 году, возникло въ Германіи движеніе болѣе серьезное, Тейне уже былъ надломленъ и болѣзненно и разочарованъ. Впрочемъ, какъ здѣсь такъ и въ „Romanzero“, уже во время продолжительной агоніи поэта, обнаруживая еще великодушные проблески поэтическаго гения, но, впрочемъ съ темъ, губебуетъ, что человекъ уже сломанъ.

Эммер, незаметно переходивший в сарказм, не остав-
 лял Тейке и в последние годы его жизни, среди не-
 выносимых страданий спитного мозга. С 1842 года
 он не бывал с посетом и почти ослеп. Тейке
 оказался предсказателем, "полюдой Германии", хотя эта
 полюда Германии давно уже умерла, не оставив по-
 себе никаких осуждающих следов, ни в обществен-
 ной, ни в государственной жизни. Вели сестра Мецгер-
 нила и союзного ейша была, по выражению Бёрне, "на,
 возомы, козорны, по причине Холодной зны, прикрыв,
 балас мншецкая свобода, во впоследствии, Эгоз наземь
 ничего уже не прикрывала хорошаго, а органически
 слиска с пового, удобря се и производя фирмиерофь.
 Тейке не была общественным деятелем. Его доклад
 и остротная диалектика, находчивость, изворотливость
 не делали из него публициста, двигателя массами.

В 1854 г. Тейке написал свои Признания. Во
 них он говорит, что революционные и аженские,
 скиты докурить он держался до зелья золько поре, пока
 эти докурить высказывались звыкомь знаменитых круж-
 ков. Но как скоро я замозил, что зредий гледи
 начал зольковаз о зольке зне во своих зредныхъ сбори-
 щахъ, когда аженские начал евно озывахся вадкой
 и задакоть, тогда-то вдруг раскрылись мои глаза и
 моему ажену начал конец. Через две страницы
 Тейке удивляется народу следующаго комплиментя:
 "Народ не очень умен; он, быть может, глупые друзья;
 он почти законно скозоподобно глуп, как и его
 модницы". Эти разкия фразы доказывают, что демагоги
 были правы; больше озорно задвигь себя аристократовъ

сва ли возможно. Но какой же публицист ознестся подобными образом к народу, к тому народу, который по выражению того же Тейне „завь, потому что голодеет“? Тейрих Тейне был человек первый, и эхоть отчасти объясняюща весь неровности его характера, весь углубадо, сзи вь его удивительнѣ. Много высказавь во время ре- саврациѣ, отъ „схаль“, „черный коринуть пель его пегель“, отъ вналь вь сзраиную меланхолию. Теловатъ, по еод- сзвѣтному признанію, всегда „разорваннѣй“, з.е. интвенциѣ вь разладъ съ самимъ собою, отъ никогда и не мотъ мѣ, сизъ одиначо. Называъ Блюхера — барабанной крысѣй, а Шаодриана — дуракомъ вь германъ колмакъ съ покре, мушкой, Тейне иногда самъ барабанилъ по повяду ^{нѣ} зрѣнью, мѣкъ, вь родѣ зрѣлцвотного знатени, Лафрѣда и Нано, неона Понатарге, передъ козорнѣмъ смиренно преклонилъ.

„Letzte Gedichte und Gedankes“ (Последнѣ сзисловоренія и мысли) Тейриха Тейне издали послѣ его смерти. Меланду нѣмъ находитъсѣ „Vimini“, самая знаменитѣйшая поэма зтого поэта, вь козорѣ изобразена пилгримезво- пущемезвѣ къ полудеъ дальнему незомнѣму волмеднаго озрава Вимини. Это пущемезвѣ предпринимаетъ Иван Ронсе де Леон вь сзароси. Тущъ озлично символизована вѣткая идея незвѣснаго, невозвратнаго счасъдъ. „Вь Тейрихѣ Тейне, говоритъ Шерръ, романзика унигтожила сама себя. Она переходитъ у него вь озраоинѣ, тобою оборваеъ съ громкимъ стѣхонѣ. Вь его поеннѣ она еще разъ издаеъ самые сладкіе звуки (какъ, напр, цѣлая романзика не произвела ничего болѣе казолмѣски- некреннѣго, чѣмъ Тейневое „Пущемезвѣ вь Кевлаарѣ“ („Die Wallfahrt nach Kevlaar“ — баллада и удавленнѣйшая кар.

Книга Сверхъестественного моря: "Мир" — "Bilder der Nordsee" ("Frieden"),
 чтобы познать переходы во тьму холмов сапожничества.
 Мыслимо рожающегося во нелюбимой необузданной производной
 его гениальной личности, с которой он зо освещает
 свой гуннамический идеал вечно связанным поэтом
 и поэтом, зо велит заставить начинать колотить его
 своей арлекинской палкой, забрасывает сарказмами
 и волочит его во тьму. Перед озроумитель, эой оз,
 индивидуальной особенностью Тейнриха Тейне, не обз,
 печено и собоуемое. И, и оно вовлекает во вакли-
 пский круговорот озроумного мирозерцания и встав,
 хивает наконец на ступеньку коэфф, на которой
 Тейне бросает сразу религию, сразу государство и сразу
 общество... Телодная игра анимации, эти коэффливые скап,
 ки, эти озроумитель предлогий, небрежно вступают,
 но познать снова становиться полными и совершенно
 округленными периодами, эти бегущие друг за другом
 блуждающие огни и тьмы, эта коэффливая запутанность
 и дилемматическая гармония, эозь ешь, в которой флейта
 любви слышится так же мягко и пошло, как громо,
 носко и грозно движется фруда гнава — все это должно
 ослеплять, напрягать, увлекать и привлекать. К автору
 "Книги песни" озможно можно приложить зо, что он
 сам в своих "Путевых картинах" говорит относительно
 иэди Махмуда: "серь сердца, в которых музыка и серь,
 эдкое, злое и святое, шарт и холодь так же гудно соеди-
 няются между собою, что далает в фруди судить о ниле.
 Такое сердце павило в фруди Махмуда; иногда оно
 было мерзливый, медлительный оузович, из гладкой, зер,
 каменной погвы которого вырвкали сразу же шарткие

наиболее новые леса; иногда он даже оно было энтузиастическим-пламенным пламенем вулканом, который вдруг вырывается с кипящей стальной лавины. Лирическое изображение жизни контрастов и прозаический в касуизм не. Средствыми, но на дельте художественно-закономерности формальности в "Книжке поэм" и далаеги Тейне величавых лириком. Они, как едва ли кто другой, создавали свои сказочные тут самой глубокой сущности своего времени; и это-то далаеги его "Книжки поэм" закрепили они знаменитые поэтические подвиги, какими были в XVIII века "Вертеры" Гёте и "Разбойники" Шиллера.

Приведу образцы их творения грустного настроения сего творения Тейне:

1. Лампоза к лампоза моей прикоснись —

Тогда наши слезы сольются;

И сердце мое востанет к тебе к сердцу прикоснись —

Огнем оти обидишь замигнешь.

И если вь дождь пламень прольется такой

Ты обидишь слезы чужие,

Я, кратко жемь охвативши рукой,

Умру оть жоски наслажденья. (А. Фрель).

2. Дурд! мой тысьми далеко

На крыльях твоих унесу,

Кь долинам Тибетова дога.

Я знаю там лучший пригор.

Там вь светлых лучах обливается,

Вь саду все зародившееся цветенье.

И похоса цветень, преклонившись,

Свещицу заветную видеть.

Сладкий незабудкины глазки

На дальний звонки глядишь,

Звернула, что поэт сего глубокое страдание, и наводящая на мысль нехотит изъяснить его чистоты сердца, которое пылает глубокими горелами и. ж. д.

Тейне любил говорить о смерти, как Ю. Кернер. Он принадлежал к поэтам мировой скорби и разорванности, которые вскоре вошли в моду в целой Европ. и погубили лорда Байрона как своего духовного отца; но и при этом он оставался в руслом романтики; — изображил же и бранно вселив музыкальн, которые займо страдают оть нестерпимого горя; Тейне уже обиделся, то радость сего жонко больше глубокой горе. Жизнь — земная могила; Кернер ч.

И розы душистой сказки
Друга другу во ушко говорятъ.

Крикнувша, вмигиванія полны,
Тамъ смирно газели сходятъ;
А тамъ, во ораденіи, волны
Свѣтлагого зюка шумѣютъ.

И тамъ вы подѣ каменной молодой
Любви и покоя полны,

Склонившись, усѣивъ — и съ зоркого
Увидѣвъ блаженныя сны. (А. Фетъ).

3. Я плакала во сны; мнѣ приснилось,
Что другъ мой во гробѣ лежить;
И я проснулась — и долго
Капилась слезы съ ланитъ.

Я плакала во сны, мнѣ приснилось,
Что вы раздѣлитесь со мной;
И я проснулась — и долго
Капилась слезы рожой.

Я плакала во сны; мнѣ приснилось,
Что вы меня любите оудѣ;
И я проснулась — и долго
Не въ силахъ я слезъ болѣе уидѣ. (А. Фетъ).

4. Зеленого древесная зелень,

Дрожа, опадающа мисры...

Ахъ, все увядаетъ, все меркнетъ,
Всѣхъ тогда, все блескъ красоты.

И солнце вершины лѣсной
Тоскливыми лучами одаетъ.

Знаешь, во нелѣхъ уходящее мого
Подъзансе пронзательное млего.

А я, я хотела бы заплакать,
 Такая грусть изжилась доской...
 Мамошнина зря карзина
 Мне наме прощание с тобой.

Я знала, разговаривая, что векоры
 Ты озанешь шиллицей небеса.

Я была — уходило много,

А рос — умиранию и совет. (А. Фрейд).

5. Минимизм свозомь облужая,

Ты сродила предо мной,

Тамь вь саду, вь концы аллен.

Тот прощалис ты сь собой.

Ты была прекрасной ноги

И блондное мерзвца,

И слезавь и поцтылувь

Нашиль не было конца.

Дни прошли, минули годы,

Ты срадала много мотро,

И ондузь редя увидать

Твой измиченный позр.

Но зы вернула безмолвно

ной последний поцтылу;

Не закроила боснавшиль

Мотро осей горячить сурци.

Было все забудо; горе,

Сзракс, укори злой судьбы,

И неволько я, неволько

Позавидовань зедть:

Минимизм свозомь облужая

И своткомь изь розь на лбу,

Спокойныя, непродуманныя
Ты спала въ своемъ гробу. (Н. Гребенко).

6. Дай ручку мне! къ сердцу прижми ее, другъ!

Ну! слышишь ли, что тамъ за стучь?

Тамъ злой гробовицникъ въ уполоченъ сидитъ
И гробъ для меня масхерицъ.

Стучитъ божь улюлку и день отъ и ночь...

Устичъ бы - при стучь не спитъ.

Дит! масхериц! уоуе время радочу кончатъ!

Тора мнѣ уралочу спитъ! (Н. Антлановъ).

Самая мерзкая характеристика Тейне едталана мнѣ слышны
въ слѣдующице слова: Vergiftet sind meine Lieder,

Wie könnst' es anders sein.

(Образцы мои песни, какъ это могло быть иначе) мнѣ:

„Я кислота кануца, подь соусомъ изъ андрозимъ“. И
однако, Тейне принадлежить къ сильнѣйшимъ кельцъ,
Кельцъ позвалъ посылъ: и между рѣши, кто послѣдовалъ
за унделемъ Тейне, отъ Тейне, померъ бытъ, занимаеъ
первое мѣсто какъ своеобразная сила, какъ поэтъ съ
наслажденной слезой въ своемъ сердцѣ, какъ поэтъ, въ
которомъ Флегия сохранила съ музливой сатурой и
внѣшнѣе котораго на Европу и до снѣ поры еще не
кончилисъ. И мнѣ Тейне и Тейне всегда принадлежъ уно,
мнѣ рѣшомъ, когда дѣло идетъ о кельцъской мнѣ.

Тейне многократно говоришь о своихъ своихъ врагахъ.
Но кто же эти враги, о которыхъ отъ не могу говоришь
хладнокровно? Это это за паркин, враждобная мнѣ?
Тейне были челоуки болонженно-самоподобный? При,
пѣнки меланхолии еще болше развивали въ кельцъ и
раздраженность, и дурное расположение духа.

Онъ не придавалъ значения ни сущности новейшей
 германской философии съ Фрейдерахомъ во главѣ, ни
 политическому перевороту 1848 года. Отсюда понятно,
 что онъ видя въ враговъ и въ модѣхъ новаго движенія.
 Тейне сравнилъ себя высоко и на зрѣнь модѣхъ смотрѣлъ
 свысока, дурака и не имѣлъ возможности понять
 ихъ, какъ слѣдуетъ, хотя эти враги болѣею частью
 некамерно уязвляли его болѣею самолюбіемъ. Онъ
 неважнѣлъ ихъ и, по содѣявшему признанію, имѣлъ
 привычку звать людей тѣхъ неважности называть дураками.
 Правда, въ 1835 г. у Тейне оказался дѣйствительный
 врагъ, именно сеймъ, запретившій все его сочиненія,
 но зрѣнь врагъ дѣйствительно оумножилъ не самоудверенно.
 Имъ было извѣстно говорить Тейне въ книгѣ, "О до-
 послѣдствіяхъ" — что самымъ гнуснымъ доносомъ удалое
 ввести въ заблужденіе членовъ высокоинтеллектуалаго
 собранія, дѣйствительныхъ государственныхъ людей, которые,
 безъ сомнѣнія, весьма мало могли быть знакомы съ
 модою новейшими произведеніями. Зрѣнь членовъ
 утвердилъ, будто я глава партіи, которая сговорилась
 испровергнуть все гражданскія и правительственныя
 узаконенія. Но черезъ московскою лодку Тейне самъ
 оубрекается оубрѣть еще самымъ сочиненіемъ, формально,
 но признается, что все въ книгѣ сказанное неложно,
 ложно, исполнено умышленныхъ заблужденій... Обиденный
 переломъ въ убѣжденіяхъ Тейне хитро болтовню — неважно,
 потому что болтовня не могла еще ему статься по,
 гераниковъ, не могла увлечь какою-нибудь,
 хотя самъ Тейне формально не признавалъ на
 себя этого влѣднія. Своимъ неважнѣемъ, ложно переходившего

съ предмета на предметъ, Тейне много обязанъ наферансъ,
 о котораго въ своихъ „Признакиидель“ говоритъ со все-
 знанъ благодарности. Принадлежна къ люцернскому
 исповѣданію, Тейне, изъ ненависти къ педагогизму и
 филлистерству, не бывъ и не могъ быть искреннимъ лю-
 цернскимъ. Впрочемъ, Тейне оскорблялся, когда его
 упрекали въ недооцѣнкѣ патриотизма, и это доказываешь,
 что отъ и самъ, какъ же, не совсѣмъ далеко понималъ
 роль патриота, а смотрѣлъ на эту роль иногда съ той же
 филлистерской точки, какъ и его противники. Тейне ни,
 когда не бывъ добродушнымъ мальчикомъ, но не бывъ также
 и презабвительнымъ иудейскаго типа. Это зинъ сифидина,
 ский, а Тейне скортай — Эммануэль, г.е. человекъ широко,
 сильно разбрасывающій свои силы. Эта-то широта, силь-
 ность и ^{когда} полнѣйшая искренность въ каждой, даже
 ошибочной идее приближающа къ Тейне. Она обладаешь
 искусствомъ быть самимъ собою и не хотеть знать
 никакого авторитета. Для него не существуетъ великихъ
 образцовъ, великихъ чувствъ, великихъ идей. Она вѣдучу
 проедираешь свою пѣсню напѣвочку, разоблачаешь займы
 тѣлесной философіи; самъ романтикъ, разбиваешь на,
 поваль романтическую школу, въ самъ парадоксическѣ
 мѣстахъ превосходнаго стихотворенія высочайше изъясн
 (Herr Doktor, sind sie des Teufels - 2. докторъ, герръ се вѣли,
 кто ли?), сохраняя при этомъ видъ свободной и лукавой,
 то безмалоебно продѣргиваешь самого себя, то начинаешь
 плакать отчаянно, съ воплями. Эта-то лихорадочность
 и создаваешь несурьезнѣйшую герру Тейнриха Тейне, и
 ей-то, какъ придававшей ему неподражающую оригиналь-
 ность, отъ обязанъ болѣе всего гаярсу своего устава. Въносъ,

Младнокровие, или титинское величие и спокойствие, весь зритель
 колесова, о козловых пельзях и говорит, когда речь идет
 о Тейне — несправедливо, как несправедливо все мерзкое, сонное.
 Еще и до сего пор близость за черную или титинскую
 опознать на лаврадь, успокоиться... Прозаический сон,
 некий Тейне должны записывать не только в своем мнении;
 правда, в суждениях, или Тейне легче и скорее
 пишется, чтобы и обидеться что-нибудь или.
 Издавать Калме, из Барншейль в нить, дать себе похорошить.
 Но прозаический сдвиг Тейне рисуют его или Тейне полнота
 и многообразная, не говоря уже о том, что, напр., какой
 урод, как «Германн»; знакомить со всем интеллигентно
 Германн, в первой половине (прошлого) XIX столетия.

Возьмем несколько мыслей, взятых из сочинений Тейне:

«Я не пишу: я охотно говорю людям мысль вра-
 гов, но не могу написать их предель, чтобы не озолишь;
 только после этого раскрывается для нить мое сердце.
 Пока человек не озолишь за себя, в его сердце все со-
 храняется губуво горечи.»

«Земля — большой узел, в котором человек-оно-то
 и есть Прометей — приковано цепью и где его безире,
 равно зеркала кориньян соммонид. Оно подлило
 стужу и за это зеркала жертвы муки.»

«Еврейская история прекрасна, но пока евреи впадают
 сражаться, козловых сдвиги бы гораздо выше греков и рим-
 лян. Я думаю, что елишь не озадают на стужу евреев
 и узлами, что где нибудь сохранился хоть один экзем-
 пларь этого народа, до потлам бы за содом верени,
 тогда увидать этого экземпляра и показать ему руку.
 А зеркала нас обогатит.»

Меторія повнѣль евреевъ драгилна, и когда пишеть
объ этой драгилности, зедѣ сие поднимать на сѣтѣль.
Въ этой драгилности самое драгилское.

„Согинение книги зредуча своего времени, какъ образо-
ваніе и рожденіе ребенка. Вся книга, написанная
на-скоро, въ зеченіе мѣскоульскихъ недѣль, вызывають во-
мнѣ мѣскоульское предубѣжденіе прозвѣть аврама. Грехная
женщина не рождаетъ дитя до изеченія девяти мѣсѣ-
цѣвъ.

„Вопросъ о врожденныя идеѣль можно было бы, я
полагаю, правильно решить слѣдующими образомъ: суще,
связуясь люди, къ козоринѣ все приходитъ извнѣ, какъ
называемые таланты, какъ напр. Лессингъ, напоминаящій
обезьянѣ, у козоринѣ преобладають вышннее подражаніе,
въ нѣмъ дѣлѣтъ творъ ничего такого, чего они не воспріимли
вышнними чувствами. Но бывають также люди, къ
козоринѣ все приходитъ изъ души, гении, какъ Рафаэль,
Моцартъ, Шекспиръ, и для козоринѣ однако процессъ
производства на свѣрхъ зрудныя, тѣмъ для такъ называ-
емаго таланта. У этого послѣдняго фадриканціѣ безъ
шизни, безъ вынужденной работы, нѣчто механическое;
у перваго — органическое зворсство.

„Къ козоринѣ людей надо дѣлѣть палками при шизни,
какъ какъ поелѣ смерти нѣтъ нѣтъ показывать, нѣтъ
порозитѣ, клеймитѣ нѣтъ и нѣтъ, но зой проздой прихититѣ,
что они не осваивають поелѣ сѣдѣ никакого и нѣтъ.

„Волзержъ слѣтѣль взлѣзаетъ къ облакамъ; это гордый
орелъ, прямо смозряющій на солнице. Руссо — Благородная
звѣзда, глядящая съ неба на землю; она мѣдитъ людей,
когда смозриуть на нѣтъ свѣрху шизнѣ.

«Лакен, временно находящаяся безъ тѣла, отъ этого не становится свободными людьми: лакенство у нихъ въ душѣ».

«Мольеры похотѣла на радѣ, повинующагося своей господинѣ безъ помощи веревки, кнута, — а только по его слову, даше взгляду. Радство въ немъ самолюбѣ, въ его натурѣ, гораздо хуже матеріальнаго радства радство духовное. Мольерѣ надо освободиться вынужденно, освобождение вынужденное не принесетъ никакой пользы».

«Политическіе флигелеры заклинають бурю и полагають въ оную слугать на своего подвисникоу; они забываютъ, что въ этой подвисникоу не окажется для нихъ ни, какого проку, когда ураганъ опрокинетъ башню, на которой они сидятъ».

«Мудрецы зворяють новѣя мѣли, а глупцы распро- сфрандють иль» — — —

Шурдотманъ и другіе кризиски глишкоть порозомиле медотъ на Гейне зерновѣй вѣнцѣ. Его дюрево и юноуѣ прошли весело и легко; первые устѣли его были заковы, какіе далеко не каждый придротуають съ перваго раза. Какъ матеріальное, такъ и физическое поношениѣ Гейриха Гейне худимиле въ время реэаврациѣ, а осоденно дурно было во взорѣ половинѣ зридизають годовѣ, когда отъ не мѣль денегъ и съ просьбото о поноуѣ образиле къ Тамбургскому банкиру, Соломону Гейне, сунсуѣву сухо- ту и безсердежному.

Извѣстно, что Гейне популярныѣ среди романскиѣ и славянскиѣ народѣ, глѣть на своей родимѣ? Инакоу, рѣе мѣльцкиѣ кризиски обидендють это не къ нашей гесѣ (говоритъ в. Куртманковѣ) зѣльть, что поиманиѣ

У Гейне, вѣнцѣ съ Анжелиѣ Гейрихановѣ, принадлежать къ числу глѣть мѣльцкиѣ лѣтѣвъ, къ козоровѣмъ всецѣло прилагаетъ извѣстнаѣ зрѣленіѣ относително пророка въ его озеленѣть.

его не предвещает высокого образования и „благородства“ (Noblen-adel). Если ли можно согласиться с эстетиком по одному тому, что притискивает какому бы то ни было народу парочко бонбонное коллиество благородства души, сравним, действительно с другими, крайне несправедливо: у каждого есть свое особое благородство, и узнать его удивительный восток или вычислить его процентное отношение между никакой возможно, посыл. Мы полагаем, что главная причина непопулярности Гейне в Германии состоит в его исторической роли, которую он так художественно-реалистично выразил в окончании своего „Идеи“, сравнивая себя с музой императора Максимилиана, Кунцель ф. д. Розен. Шутова не подобна серьезная Германия, в особенности заставить оживить и поджечь музу, как Гейне, и в это. Благодаря она не подобна так репер, когда она так доволна своим величием, и когда она с такой неблагодарностью относилась к двадцатилетнему „Сороковому“ году. Другую причину тоже указала сама Гейне, создававший, что она, как говорится, сидит между двух стульев: она не признает „искусства для искусства“, не признает себя рождением „для звуков сладких и молитв“ и охотно готов встать в руки „незл“, чтобы отсечь мир от зла; но она не согласна всецело подчиняться распорядителям, кто принудил на себя обязанности главного самизарова общества, и она бросает эту незл с обращением, когда она показывает ему слишком грязной.

Таким же образом роль играет она и в других восток, можно спросить: всю жизнь она поддается над религией, но в то же время высказывает симпатии

кх еврейско-христианскому спиритуализму, а в конце
 жизни прямо объявляет себя вступившим в личный
 Бога и радуется своей участи, называя себя банкротом, ко-
 торый неожиданно напел завалившийся миллион.
 «Если бы ночь выйдя хорь на козлятах, никуда от
 в Париже, я сейчас бы пошел бы в церковь. Но
 по своей натуре от не могу не прибавить еще же:
 «Да и по скажу: на козлятах куда пойдешь в другое
 место? Будь и здоров, я пошел бы на бульвары. Гало
 бы, и еще от не угрожает ни зой, ни другой парии,
 зоме и в вопросах политическими и социальными.
 А маленькая интеллигенция еликом, долго порою,
 дала Тальеров, чтобы не дойти до реакции.

Теперь же Тейне, как мы видели, начал свою кар-
 еру учеником романтизма, но от не и, прикон-
 чив эго романтизм на-таки, извлекши из него
 весь его самый сок. Тейне прошел через эдвенци,
 охучо поэзия молодот Германия, но не мог удержать
 себя в ее узкой рамки. Говорят, от не была мертвым
 реалистом и не создал ни одного своего образа. По-
 следнее не верно; от создал один образ, правда,
 только один, и по свой собственный, — как лирик
 по преимуществу, от и по теории поэзии не обязан
 быть ни к чему больше, — но от создал его с закон
 чудотворенной поэзией и правдивою, что в
 нем, как в фоксе, озражает все плодотворная
 эпоха 30-х — 40-х годов, со всеми своими земными
 и светлыми сторонами: с своими глупостями отча-
 зными и полното востра, с боготворенными и сле-
 зами раскаяния, с беззаботной любовью к жизни

и неизлечимых фразеологов, с неудержимыми стремлениями к свободе и мечтательными помыслами, с зонками художественных вкусов и не-вторичности в искусстве, с своими романтическими идеализмами и фравольной губернаторской (в отношении Тейне, можно было, переменить вверху, и его «грациозное научное безудельство», как выражался Брандес, осуждаясь иными на его литературной славе), с своей неопытной гордостью и самоуничижением, с широкими мировыми идеями и узкой партийностью. Это эпоха рефлексии и мысли, но мысли закрой тило, доводило, что изъ нея выходяще все дала последующее жить поколений.

Какъ разношерстный и разнородный выражаетъ эпохи, Тейне всегда будучи затмиваетъ видное место в истории всемирной литературы. Она имела на это полное право и какъ одинъ изъ первыхъ между народными поэтами, свободными отъ всякой национальной исключительности, какъ во идеяхъ, такъ и въ художественныхъ приемахъ.

М. г., пришедши только окончила намъ разглагольствие о литературной деятельности Тейне, скажу не-сколько словъ еще о „Молодой Германии“. Название „Молодой Германии“ впервые появилось в 1834г. в книжке кн. приват-доцента Винберга (Wienberg род. в 1803г.), вышедшей подъ вымышленнымъ заглавиемъ: Neueutsche Feldzüge (Германские походы): въ ней набрасывалась программа новаго свободнаго и по содержанию и по формѣ искусства, которое должно соединить въ себѣ губернаторское и духовное. Книжечка посвящалась